

Пока река хранит письма

Диана Эверли

Пока река хранит письма

<https://litres.ru/74683392>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Соколова возвращается в Белоречье всего на десять дней: разобрать бабушкин дом и подготовить его к продаже. Но в сортировочном столе бывшей почты она находит семнадцать писем, не отправленных со дня наводнения, в котором погибла её мать. Одно из них заставляет усомниться в том, что двадцать лет считалось правдой.

Помочь Вере может инженер Илья Белов — сын человека, которого город обвинил в трагедии. Они ищут свидетелей, восстанавливают старые документы и постепенно сближаются. Но довериться друг другу оказывается труднее, чем прочесть выцветшие строки. Тем временем на берегу начинается большая стройка, а осенние дожди снова поднимают реку.

Теперь Вере придётся решить, что она готова потерять ради правды и какого будущего хочет для себя — рядом с человеком, чья семейная история так больно связана с её собственной.

Содержание

Глава 1 Ключ от нижнего этажа	4
Глава 2 Чужая отметка	15
Глава 3 Семнадцать отправлений	25
Глава 4 Обратный адрес	35
Глава 5 Ниже моста	44
Глава 6 Цена участка	55
Глава 7 Дом на другом берегу	65
Глава 8 Русло на бумаге	73
Глава 9 Свет сквозь пленку	83
Глава 10 Пунктирная линия	92
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Диана Эверли

Пока река хранит письма

Глава 1 Ключ от нижнего этажа

Чемодан застрял в калитке, когда Вера услышала, как в доме упала дверь.

Она оставила ручку чемодана, подхватила сумку с ноутбуком и побежала по дорожке. Заросшие ногти били по голениям. Внизу, за мутным стеклом бывшего почтового зала, качалась серая прямоугольная тень. Вера приложила ключ не той стороной, выругалась шепотом и только со второго раза попала в замок.

Никого в зале не было. С крепления сорвалась деревянная створка служебного окошка. Один ее угол лежал на прилавке, другой зацепился за гвоздь, и от сквозняка створка билась о стену. На полу рассыпались желтые квадраты. Вера сперва приняла их за письма, но это были пустые бланки извещений, старые, с облупленной голубой полосой.

Она поставила сумку на стул и придержала створку. Петля вырвала из рамы трухлявый кусок дерева. Вера сунула под нее свернутое извещение, сняла с гвоздя и осторожно опустила на пол. Дом сразу замолчал. За стеной работал какой-то мотор, по улице прошла женщина с двумя пакетами,

не обернувшись на открытую дверь.

Семнадцатое сентября. Среда. Без четверти три. В Москве в это время курьер, наверное, ругался с охраной их нового здания: пропуск на мастерскую снова выписали без номера этажа. Вера уже тянулась к телефону, чтобы спросить, доставили ли коробки, но экран загорелся сам.

«Добралась?» — написал отец.

«Да. В доме».

Ответ пришел почти сразу: «Воду сначала спусти. Там могло заржаветь».

Она посмотрела на кран в углу почтового зала. Под ним по-прежнему стояло эмалированное ведро, которое бабушка запрещала использовать для пола. Ведро было для воды. Для пола полагалось другое, с вмятиной и надписью черным лаком «ХОЗ». За четырнадцать лет с тех пор, как Вера уехала из Белоречья, границы между этими ведрами не изменились.

«Хорошо», — написала она.

Отец прислал номер местного риелтора. Вера поставила возле сообщения маленький знак, чтобы не потерять, и убрала телефон. Она приехала продать дом. Это было не вполне прилично произносить внизу, где пахло бабушкиным мылом и сырыми половицами, но другое объяснение требовало бы слишком многих поправок. На похороны она успела. Три дня прожила в гостинице, потому что в доме еще шли какие-то люди, приносили банки, вспоминали, задавали вопросы. Потом вернулась в Москву заканчивать переезд ма-

стерской. Теперь у нее было десять дней отпуска, доверенность, выданная отцом на несколько старых бумаг, и понимание, что за отопление двухэтажного деревянного дома в их климате придется платить живыми деньгами.

На прилавке под стеклом лежал календарь за август. Двадцать девятое число бабушка не зачеркнула.

Вера перевернула лист. Ножка календаря отломилась, и он лег лицом вниз.

Наверху окно было приоткрыто на цепочку. Крохотная кухня встретила ее обычным порядком, от которого становилось неуютнее, чем от беспорядка: две чашки на сушилке, полотенце перегнуто точно посередине, у хлебницы бумажный пакет с сухарями. Вера заглянула в холодильник. Пусто, чисто, выключено. Кто-то уже сделал самую тяжелую и неблагодарную часть работы, вынес еду, вымыл полки. На двери магнитом была прижата записка: «Вера, суп у меня. Не геройствуй. Тамара».

За окном раздался стук. Соседка стояла на своей дорожке по другую сторону низкого забора и держала деревянную лопатку, будто собиралась этой лопаткой руководить посадкой самолета.

— Вижу, приехала! — крикнула она. — В пять приходи. Только точно в пять, у меня в шесть сериал. Повторять из-за тебя никто не станет.

— Спасибо! — ответила Вера.

— Хлеб не покупай. Купила уже. Ты теперь долго?

Вера сделала вид, что не расслышала. Тамара Зуева подождала, опустила лопатку и ушла в дом. От этого короткого движения стало понятно: все она расслышала и так.

В комнате бабушки было жарко. Вера выключила электрический обогреватель из розетки. На столе возле кресла лежали очки в пластмассовом футляре и телевизионная программа с обведенным словом «сад». Бабушка собиралась посмотреть передачу о зимовке роз. Розы вдоль забора уже накрыли опавшие яблоки; на ветках держались три бурых цветка, которые требовалось срезать.

Она открыла шкаф и увидела аккуратную стопку постельного белья с бумажными ярлыками: «Два комплекта, хорошие», «Шторы низ», «Для тряпок». Третью стопку бабушка, очевидно, оставила из чувства хозяйственной справедливости. Продавать дом с этими ярлыками Вера не могла. Продавать его без ярлыков почему-то казалось еще хуже.

В сумке зажужжал телефон. Звонила мастерская.

— Ты воду нашла? — спросила Соня вместо приветствия.

— Здесь все спрашивают о воде.

— Я о дистиллированной. Курьер привез шесть бутылей.

Две протекают, мы теперь как курорт.

Вера села на край кровати. Московский шум в трубке принес неожиданное облегчение. Соня рассказывала, как соседям сверху доставили вязаную мебель для фотостудии, как охранник решил, что их сушильная рама — это мольберт, как хозяйка старых чертежей требовала немедленно вернуть

«самый главный угол».

— Угол не трогайте, — сказала Вера. — Он держится на честном слове. Я файл с состоянием отправила в общую папку.

— Видели. Ты отдыхай хотя бы два дня.

— Я не отдыхать приехала.

Соня не стала спрашивать, зачем. После паузы сказала, что заказ на семейный архив Бахтиных пока подождет: первичный осмотр провели, плесени нет, температурный режим приемлемый. Вере следовало бы радоваться. Вместо этого она спросила, нельзя ли прислать ей фотографии листов с железистыми чернилами, чтобы она составила последовательность работ.

— Прислать можно, — ответила Соня. — А вот делать вид, что ты сейчас нужна только пятнам на бумаге, совершенно необязательно.

Вера перевела разговор на расходные материалы и закончила звонок первой.

* * *

Позднее письмо нашлось не в доме. Оно лежало во внутреннем кармане сумки, куда Вера сунула его еще в Москве и с тех пор не решалась вынуть.

В мастерской меняли адрес в июле. Письма некоторое время складывали в бывшем кабинете администратора, потом перенесли в комнату охраны. Конверт с неровным домашним адресом Вера получила третьего сентября, через

пять дней после смерти Антонины Петровны. Бабушка отправила его двенадцатого июля. На конверте были два штемпеля переадресации, прямоугольный след от липкой ленты и чужая карандашная пометка «Уточнить получателя».

Она не хотела оценивать эти следы профессионально. Но глаза все равно отмечали: нижний угол намокал, бумага машинного производства, волокна на сгибе целы. Вот эту способность Вера привезла с собой, даже если все остальное осталось в дороге.

В конверте лежал лист в клетку.

«Верочка, приезжай, как будет возможность. Не на день. По дому есть что тебе сказать, по телефону не выходит. Здоровье мое пока как у старого шкафа: скрипит, а стоит. Не пугайся, я не про больницу. Хочу, чтобы ты приехала и посидела. Я тебе твою комнату разобрала. Только заранее напиши, куплю творог. Целую. Бабушка».

Вера читала это письмо в Москве на лестнице между четвертым и пятым этажом. Охранник нашел ее по имени на списке арендаторов. Она тогда еще была уверена, что не заплачет, потому что до встречи с заказчиком оставалось восемь минут. Сейчас никаких встреч не было. Бабушкина просьба купить время хотя бы на несколько дней лежала у нее на ладони, и ответить было некому.

Она сложила лист по прежним сгибам. Не стала расправлять угол. Потом все-таки расправила.

В дверь позвонили в половине пятого. Новый звонок иг-

рал две ноты, не похожие на старый металлический дребезг. Вера спустилась и увидела на крыльце мужчину в темно-зеленой куртке. Он держал папку, но не поднимал ее перед собой, как обычно делали люди, пришедшие что-нибудь продать.

— Вера Александровна? Дмитрий Лосев, по участку. Я вам писал от Виктора Павловича.

Она вспомнила сообщение с незнакомого номера: соборознования, готовность помочь, несколько слов о проектах набережной. В тот день таких сообщений было много. Она ответила одним и тем же словом всем.

— Проходите, — сказала Вера и сразу пожалела. — Только здесь пока не очень...

— Ничего страшного.

Он аккуратно вытер подошвы о почти облысевший коврик. Посмотрел на потолок, на прилавок, на стенку с жестяными ячейками. Разглядывал не жадно, а привычно: как человек, мысленно составляющий опись расходов.

— Хороший дом, — сказал он. — Поддерживать, конечно, нужно.

— Вам чай?

Вера не знала, зачем предложила. Воду она еще даже не спустила.

— Спасибо, я ненадолго. Виктор Павлович просил передать предложение лично. Понимает, что сейчас тяжелое время. Мы бы взяли на себя оформление, вывоз ненужных ве-

щей, все согласования.

Он раскрыл папку на прилавке. Вера увидела распечатку кадастровой схемы, фотографию дома с улицы и сумму. Сумма была больше, чем называл отец после телефонного разговора с риелтором. Настолько больше, что первым чувством стало недоверие, а вторым — стыдное облегчение.

— За дом и участок вместе? — спросила она.

— Разумеется. Здесь интерес прежде всего к участку. У проекта «Берег» предусмотрена прогулочная линия. Дом в нынешнем виде требует серьезных вложений. Но условия можно обсуждать.

На схеме бывшая почта была обозначена бледно-серым прямоугольником. Неподалеку шла плавная синяя линия будущей дорожки. Там, где Вера помнила козий спуск к реке, стоял значок кофейной чашки.

— А с домом что будет?

Лосев посмотрел на нее внимательнее.

— Точного решения пока нет. Виктор Павлович за сохранение того, что имеет ценность. Есть предварительные варианты использования фасада. Можно сделать небольшую экспозицию.

Использование фасада. Вера невольно повернулась к стене, где бабушка карандашом отмечала ее рост. Надпись «Вера, 11 лет» почти скрывала полка. Собственный рост ей после этого возраста измерять здесь не доводилось.

— Оставьте бумаги. Я посмотрю.

— Конечно. Мы ни в коем случае не торопим. Но планирование идет сейчас. Если принципиально готовы, достаточно написать, что вы рассматриваете продажу. Это ни к чему вас не обязывает.

Он протянул лист с широкими пустыми полями. Вера узнала заранее приготовленную мягкость формулировок. В ее работе люди так же говорили «просто подклеить», когда хотели, чтобы реставратор взял на себя ответственность за попытку спасти уже разрушающийся документ.

— Я напишу после того, как прочту.

— Прекрасно. Вот мой номер. Виктор Павлович будет рад познакомиться. Он вашу бабушку знал много лет.

За окном появилась Тамара. На ней был передник с двумя большими лимонами. Соседка не постучала, только посмотрела на часы у себя на руке. Лосев заметил ее и улыбнулся.

— Кажется, у вас назначено еще одно дело.

— У меня суп, — сказала Вера.

Он чуть склонил голову, принимая эту причину всерьез, и ушел.

Тамара накормила ее щами, поставила перед ней две тарелки с хлебом и третью, пустую, для костей, хотя мяса в супе не оказалось.

— Привычка, — пояснила она. — Кости из жизни убрали, тарелка осталась. Чего человек хотел?

— Купить дом.

— Сразу или после супа?

Вера улыбнулась впервые с вокзала.

— Предложение хорошее.

— Ну так смотри. Только вещи чужим не давай разбирать.

Тут каждая третья вещь мусор, а какие две другие — это они не знают.

— Я не могу остаться здесь навсегда.

Тамара налила чай. Сахар она положила заранее, и ложка в чашке словно зацепилась за сироп.

— А тебя кто навсегда зовет? Ты сначала ботинки сними. С вокзала ведь все еще в них.

Вера посмотрела под стол. На паркете темнели две влажные подошвы. Она приехала в дом бабушки, успела впустить покупателя, ответить на рабочие сообщения и только теперь поняла, что ни разу не разулась.

Вечером она принесла чемодан наверх. Свою прежнюю комнату узнала по виду из окна: в зазоре между двумя берегами была видна Вель. Все прочее бабушка действительно разобрала. Никакого склада старой одежды, никаких коробок под кроватью. На столе стояла чистая ваза, рядом лежало новое полотенце, еще с этикеткой. Человек приготовился принять ее и не дождался.

Вера села за стол. За рекой светились окна многоэтажек, на нижней дороге мигал оранжевый маячок. Она открыла ноутбук и составила список: документы на дом, коммунальные платежи, осмотр отопления, фото вещей для отца. На пятой строке рука остановилась. В конце концов Вера напе-

чатала: «Починить створку».

Позднее, когда она уже легла, снизу донеслось тихое постукивание. Вера прислушалась и не встала. Днем она закрыла служебное окошко, но забыла снять с него болтавшийся крючок. В доме было много вещей, которые требовали ее рук. Ненадолго, сказала она себе. На десять дней.

Глава 2 Чужая отметка

Утром ключ от нижнего этажа исчез.

Вера проверила карман куртки, подоконник на лестнице, стол рядом с ноутбуком. Связка от квартиры была на месте, тяжелый плоский ключ с красной пластмассовой вставкой — нет. Она помнила, что выходила вечером закрыть калитку. Помнила мокрую перекладину, ладонь, которую вытерла о джинсы. Дальше память предлагала несколько равноправных вариантов, все раздражающие.

У двери внизу кто-то негромко кашлянул.

— Открыто, — сказала Вера, хотя сама только что обнаружила это.

Мужчина вошел не сразу: остался в дверном проеме, в одной руке держал рулетку, в другой — планшет в жестком чехле. На куртке у плеча была темная полоса от ремня сумки. Он выглядел ровесником Веры или немного старше, короткие темные волосы еще не высохли после душа либо дождя. Лицо у него было такое, с каким люди читают заключение, заранее не согласные с выводом.

— Илья Белов. Договоренность с Антониной Петровной была об осмотре подвала. Мне передали, что вы приехали. Можно сейчас?

— Бабушка умерла.

Он опустил планшет.

— Я знаю. Примите соболезнования.

В его голосе было столько сдержанности, что Вера почувствовала собственную резкость и не нашла, как ее исправить.

— А кто вам передал?

— Тамара Андреевна.

— Она Петровна.

— Да. Петровна. Извините. Я с утра уже перепутал фамилию одного заказчика с названием насосной.

На этой небольшой неудаче они могли бы сойтись, но Вера все еще стояла между ним и залом.

— Что за осмотр?

— Дренаж, выпуск к старому протоку. У меня заявка по соседним участкам. Ваша бабушка показывала трещину у цоколя и говорила, что подвал сыреет, когда поднимается вода. Хотела знать, нужно ли усиливать стену.

— У меня никаких бумаг нет.

— Для замеров нужны доступ и ваше согласие. Если неудобно, перенесу.

Он не двинулся ближе, и Вере стало легче.

— Это платно?

— За этот первичный осмотр с вас не берут. Обследование улицы входит в общий объем работ. Частные рекомендации по дому, если понадобятся, надо будет оформлять отдельно. Пока речь о том, как уходит вода.

Она представила на схеме синюю линию будущей набережной.

— Это от «Берега»?

— В том числе. Но вода не читает названия проектов.

— Очень удобно для тех, кто их составляет.

Теперь он посмотрел на нее уже без рассеянности.

— Покажете подвал?

Люк находился в подсобке под старым ковриком. Вера дернула за кольцо, получила занозу и отпустила. Илья дождался, пока она отойдет, присел, осмотрел петлю и поднял крышку обеими руками. Из черного прямоугольника пахнуло глиной и холодом. На деревянной лестнице белели остатки краски.

— Свет есть? — спросил он.

Вера нащупала выключатель. Под потолком подвала загорелась лампа, и они увидели банки, пустой ящик для картошки, свернутый линолеум. На стене темнела полоса почти у Вериного плеча.

— Это старая? — спросил Илья.

Она знала, какую полосу он имеет в виду.

— С две тысячи пятого.

Он кивнул и спустился. Вера постояла у люка, потом пошла следом. Внизу было тесно. Илья поставил сумку на перевернутый ящик, достал фонарь и маленький уровень. Заноза зудела в подушечке пальца, но Вера не хотела подниматься за иглой, словно уход мог означать, что она оставила незнакомца наедине с домом.

— Не нужно держать люк, — сказал он, не поворачиваясь.

— Там фиксатор.

— Я знаю.

Фиксатор она увидела только после его слов.

Илья провел ладонью в перчатке возле трубы, не касаясь мокрого шва. Сфотографировал стену с линейкой, попросил Веру подержать свет у нижнего угла. Она направила фонарь и сама заметила, что трещина уходит не вверх, а вдоль стыка.

— Это опасно?

— По виду сейчас не аварийная. Но по виду и по одному углу окончательные вещи не говорят. Сниму размеры, потом проверю снаружи. Коробки лучше отодвинуть от стены. И удлинитель отсюда убрать.

Удлинитель тянулся к старому морозильнику. Вера нагнулась к вилке.

— Пока руками не трогайте. Сначала наверху отключим.

— Он пустой.

— Электричеству это безразлично.

Она сердито направила фонарь в сторону. Свет попал ему в глаза.

— Простите, — сказала Вера.

— Ничего. Левее, пожалуйста.

Работа заняла почти час. Илья говорил коротко и точно, а Вера постепенно перестала слышать в каждом замечании оценку ее способности жить самостоятельно. Когда он попросил прижать конец рулетки к кирпичу, она предложила металлический угольник из ящика с инструментами. Он

принял его, проверил ребро и сказал:

— Спасибо. Так лучше.

Наверху Вера нашла нужный автомат. Илья проверил отсутствие напряжения своим прибором, выдернул вилку и смотал удлинитель. Морозильник пришлось оставить: одному человеку его было не поднять, а Вера все еще держала палец отставленным.

— Покажите руку, — сказал Илья.

Она спрятала ладонь за спину.

— Там заноза. Я справлюсь.

— Я хотел сказать, что у вас кровь на рукаве. Аптечка нужна?

Вера посмотрела. Маленькое красное пятно расплзлось по серой ткани. Не от занозы — она содрала кожу о край люка.

— Найду.

— Хорошо.

Он принял ее отказ так легко, что она почувствовала себя нелепо. Через минуту он работал снаружи, а Вера сидела на ступени и вынимала занозу косметическим пинцетом. Аптечку бабушка держала в жестяной коробке из-под печенья. Все сроки были в порядке. На пакетике с бинтом шариковой ручкой было написано «новый».

— Вы Соколова? — спросил Илья, вернувшись за планшетом.

— Вы же уже это выяснили.

— Внучка Антонины Петровны. Дочь Марины.

Пинцет остановился.

— Да.

— Я учился в соседнем корпусе школы. Белов. Леонид Белов — мой отец.

Фамилия подняла из памяти не лицо, а голос телевизора. Бабушка выключала звук, когда в местных новостях показывали человека у ограды каких-то ворот. Потом взрослые на кухне говорили шепотом, и отец собирал чемодан. Вера помнила, что человеку на экране полагалось в чем-то быть виноватым. В чем именно, ей никто подробно не объяснял.

— Я не знала, — сказала она.

— Да. Наверное.

Илья опустил взгляд на свои ботинки. На краю подошвы прилипли две желтые травинки.

— Что «наверное»?

Он молчал несколько секунд.

— Ваша бабушка знала, когда вода дошла до почты. Мой отец много раз просил ее сказать об этом. Она не захотела разговаривать.

— Мне тогда было десять лет.

— Я не о вас.

— Вы говорите это мне.

Он поднял голову. Взгляд был упрямый и усталый.

— Вы правы. Не стоило сейчас. Я пришлю по осмотру, как будет готово.

— Если у вас претензии к бабушке...

— У меня вопросы, на которые уже некому ответить.

Вера встала. Она не могла защищать бабушку, потому что ничего не знала. Не могла уступить незнакомому мужчине право говорить так в их доме. И оба этих невозможных движения делали одинаково больно.

— Она умерла три недели назад.

— Я понимаю.

— Не похоже.

Он закрыл сумку. Уже у двери сказал:

— Нижний отвод надо прочистить до дождей. Не сами. Я оставляю номер бригады. Это не зависит от того, что мы сейчас наговорили.

Вера не ответила. Он вышел, прикрыв дверь без хлопка.

* * *

Через полчаса в калитку просунулась желтая шапка.

— Вы дома? — спросил детский голос. — Вообще-то видно, что дома. Это я по вежливости.

Вера стояла у стены с карандашными отметками и не сразу поняла, откуда идет звук. Потом выглянула наружу. На дорожке была девочка в куртке с серебряными карманами. Она держала на вытянутом пальце ключ с красной вставкой.

— Это ваш? Возле калитки лежал. Я утром видела, но думала, кто-нибудь поднимет. А никто не поднял.

— Мой, — сказала Вера. — Спасибо тебе большое.

Девочка подошла ближе, но остановилась у крыльца.

— Только вы проверьте. Папа говорит, нельзя брать и говорить сразу «мой», если не посмотрела.

Вера приложила ключ к замку, повернула и снова вынула.

— Проверила.

— Хорошо. А здесь опять будет почта?

— Нет. Пока нет. Я разбираю вещи.

Девочка заглянула мимо нее в зал.

— Там ящики красивые. Я однажды была. Когда совсем маленькая. Мне дали коробку для посылки, и я в ней держала хомяка.

— Хомяк не возражал?

— Возражал, поэтому потом держала пуговицы. Меня Ася зовут.

— Вера.

— Я знаю. Тамара Петровна сказала. Она сказала: «Вера приехала, теперь тихо ходите под окнами». А я всегда тихо. Просто самокат гремит.

У забора стоял самокат с одним розовым колесом и одним черным. На ручке висела сумка со сменной обувью. На ногтях у девочки была голубая краска, нанесенная с той тщательностью, которая взрослым обычно недоступна: каждый палец собственного оттенка.

— Ты из школы?

— Нет. За сменкой вернулась. Ее дома забыла. Я вообще сегодня очень много хожу просто так.

С улицы раздался мужской голос:

— Ася, нашли?

Илья стоял возле машины, припаркованной у Тамариного забора. Вера заметила, как девочка помахала ему всем локтем, и поняла раньше, чем та произнесла:

— Папа! Нашли! Я отдала!

Илья поднял ладонь в ответ, но к дому не подошел.

— Это мой папа, — объяснила Ася. — Он смотрит, чтобы вода куда надо уходила. Иногда она не слушается.

— Я уже познакомилась с твоим папой.

— Он сегодня серьезный. У него завтра таблица, которую надо было еще вчера.

— Понимаю.

Ася придержала рукой карман.

— А ключ вы лучше на что-нибудь прицепите. У меня вот все на карабине. Правда, если теряется карабин, тогда сразу все.

Вера проводила ее взглядом. Илья нагнулся к дочери, что-то спросил, взял сумку. Девочка говорила быстро, перебивая собственные слова. Он слушал, не глядя на телефон, потом проверил застежку на ее куртке. На секунду лицо его стало совсем другим — внимательным, мягким, с маленькой складкой возле рта.

Вера заперла дверь и прикрепила ключ к кольцу с квартирной связкой. У них с Ильей Беловым теперь был общий знакомый, который нашел ее ключ и не предполагал, что это может что-нибудь осложнить.

После обеда пришел файл: фотографии трещины, первичные размеры, короткая записка о том, что заключение требует проверки уклона выпуска. Следом отдельное сообщение: «Сегодня был несправедлив. Вашего участия в старых событиях нет. По дому ответу на вопросы».

Вера долго смотрела на экран. Потом написала: «Получила. Спасибо за осмотр».

Убирать зал она начала с прилавка. Подняла тяжелую доску, вытерла пыль с металлической опоры, вымыла чашку, из которой сама не пила. Наконец добралась до сортировочного стола у задней стены. Его широкий ящик не открывался до конца: внутри что-то упиралось. Вера потянула сильнее, услышала сухой щелчок и остановилась. Карандашные отметки на стене, бланки, слова Ильи — все требовало ответа прямо сейчас. А ящик просил сначала понять, как он устроен.

С этим Вера по крайней мере умела работать.

Глава 3 Семнадцать отправлений

Ящик удерживала не вещь, а перекошенная направляющая. Вера выяснила это в пятницу, девятнадцатого сентября, после того как сняла нижнюю планку стола. Два шурупа вышли легко, у третьего проржавела головка. На него пришлось потратить полчаса и хорошую отвертку, которую она нашла в бабушкином кухонном ящике между штопором и рулоном пакетов.

Стол стоял в почте столько, сколько Вера себя помнила. На нем перевязывали пачки газет, разбирали квитанции, заполняли ведомости. Внизу у него были тумбы, посередине — длинный неглубокий ящик. Бабушка запрещала сидеть на столешнице не потому, что «некрасиво», а потому, что «на нем документы». Позже, уже в мастерской, Вера поймала себя на том же замечании, когда стажер устроился на краю рабочего стола с йогуртом.

Она поставила телефон так, чтобы было видно внутреннее крепление, включила фонарик. Между задней стенкой тумбы и стеной дома лежал свернутый отрез серого полотна. На щепках возле него зацепилась ржавая проволока. Вера сперва решила, что это мешковина для утепления: подобное находилось почти в каждой комнате. Но под тканью нащупалось твердое ребро, а снизу, там, где полотно загнулось, виднелся синий штамп.

Вытащить предмет через узкую щель было нельзя. Она убрала из тумбы коробки с бечевкой, сняла вторую планку. Внутренний задник держался на четырех маленьких гвоздях, причем два кто-то уже вынимал и забил снова под другим углом. Это не было тайником из приключенческой книги: просто за ящиком имелось пространство, до которого обычно никому не было дела. Чтобы достать оттуда что-то крупное, требовалось разобрать мебель.

На мгновение Вера захотела позвонить отцу и предложить, чтобы стол разобрали уже будущие рабочие. Потом заметила, что серое полотно не просто лежит: его ручка привязана к задней ножке отдельным шнуром. Узел был двойной, бабушкин. Таким же она затягивала пакеты для заморозки.

Вера принесла чистую простыню, расстелила на полу, вытерла пыль с наружной поверхности ткани мягкой щеткой. Только потом перерезала шнур и вынула мешок.

Он оказался меньше, чем представлялось, плоский, плотный, с затвердевшим нижним углом. На боковой стороне сохранились буквы почтового штампа. Черная краска расплылась, но дату Вера прочитала сразу: 23.04.2005. Рядом шариковой ручкой был обведен номер 47.

Под простыней хрустнула половица. Вера выпрямилась на корточках слишком резко, и сердце ударило в горло. Эту дату она знала наизусть с десятилетнего возраста: дата на памятнике матери, дата, которую дома произносили без года. «До двадцать третьего», «после двадцать третьего». В десять

лет она считала, что в большом календаре этот день должен быть отмечен чем-нибудь другим, кроме маленькой цифры.

Вера сделала фотографию мешка целиком, затем штампа. Руки привычно искали последовательность действий, и это помогало не думать о содержимом.

Шнур на горловине был распущен. На нем висел картонный ярлык с разбухшим краем. Сквозь мутную пластиковую оболочку виднелись несколько строк: «Исходящая», «Заречное», номер рейса. Она не стала отрывать пластик, который прилип к картону. Положила ярлык отдельно, подперла маленькой коробкой, чтобы он не перегибался, и заглянула внутрь.

Первым лежал лист, сложенный пополам и засунутый в прозрачный канцелярский файл. Под ним — конверты. Вера вынимала их по одному и раскладывала на простыне, не вскрывая.

У двух верхних конвертов повреждения были поверхностными. Один помялся вдоль клапана, другой пожелтел по краям. Дальше шли более темные, с волнистыми линиями от старого намокания. На одном расплылся фиолетовый индекс, у другого проржавевшая скрепка оставила бурый след. От бумаги пахло пылью и чем-то сладковатым. Она понюхала еще раз, осторожно. Активной плесени по виду не было, но решать это по одному запаху нельзя.

Всего писем было семнадцать.

Вера пересчитала дважды. Семнадцать разных челове-

ских поводов наклеить марку и доверить конверт чужим рукам. Она не знала ни одного из этих людей и уже ощущала неприятную обязанность не перепутать их друг с другом.

Она принесла из сумки блокнот, пронумеровала чистые бумажные подложки. На каждой написала карандашом номер, описала видимые повреждения, наружный адрес, состояние клапана. Закрытые конверты оставила закрытыми. Для обычной работы это было бы только начало акта приема, но здесь не было заказчика, никуда не годились привычные графы «цель реставрации» и «предполагаемый результат».

У шестого письма адрес отправителя был в Белоречье, на Лесной. Получательница — Зуева Лидия Петровна, город далеко к югу. Вера подняла конверт и увидела на клапане крупный неровный почерк Тамары. Буква «д» с острым длинным хвостом была такой же, как в записке про суп.

Она опустила письмо обратно. Потом взяла в руки файл. Лист внутри был маршрутным. В верхней части шла таблица с печатными названиями отделений, справа — графы прибытия и убытия. Нижняя строка была заполнена с нажимом: «Рейс прекращен. Проезд по Заречной закрыт водой». Возле нее стояли время 16:35, дата и подпись. Почерк подписи Вера не прочитала, но фамилия в соседней графе сохранилась: Корнеев О. В.

Ниже, другим карандашом, было приписано: «Мешок 47 оставлен в ОПС. М. Соколова передала». На карандашном слове «передала» лежал рыжий развод. Несколько букв те-

рялось; Вера не стала дорисовывать их в уме. Она записала ровно то, что видела, с вопросительными знаками на месте сомнительных букв.

За окном закричал продавец дров, и Вера вздрогнула так, что угол листа задел край стола.

Мама принесла мешок в почту. Эту вещь можно было держать в руках, и она ничего не объясняла. Не объясняла, почему мама потом снова вышла. Не объясняла, где была сама Вера. В ее памяти жила кухонная коробка из-под чая, красная шерстяная полоса у двери, чья-то ладонь, слишком крепко державшая ее за запястье. Эти отдельные картинки не складывались в час и минуту.

Она потянулась к телефону и остановилась. Белов, у которого были вопросы к бабушке, первым пришел на ум. Вера сердито отодвинула аппарат. Незнакомый человек не получал права первым узнать ее находку только потому, что произнес несколько болезненных слов.

Соня ответила почти сразу.

— Ты как? — спросила она.

— Мне нужен рабочий совет.

— Давай.

Вера описала ткань, конверты, старые следы воды. Отдельно уточнила про отсутствие видимого налета.

— Не закрывай сразу наглухо, — сказала Соня. — И по возможности подальше от того, с чем ты работаешь. Что там?

— Старая почта. Чужие письма. Я нашла их дома.

— Ты открыла?

— Нет.

— И не надо пока. У тебя сухое помещение есть?

— Наверху. Но я там живу.

— Есть коробка с крышкой, достаточно просторная? На первое время положи подложки, отдельно мокрый в прошлом ярлык, ничего не прижимай. Хочешь, пришлю материалы с курьером?

Вера попросила прислать бескислотные папки с ближайшим междугородним отправлением. Это уже означало тратить деньги на то, чего она не собиралась делать. Но сумма была небольшой, профессионально необходимой, и оттого решение далось легко.

— Только не суши утюгом, — сказала Соня.

— Спасибо. Как хорошо, что ты напомнила после восьми лет работы.

— Я однажды видела, как наш заведующий гладил собственный паспорт через вафельное полотенце. Образование от отчаяния не спасает.

Вера засмеялась, а потом вдруг прижала ладонь ко рту. Соня замолчала на другом конце.

— Вер?

— Здесь мамина фамилия.

Коллега не стала спрашивать, что это значит.

— Сначала поешь. Запиши все, что уже сделала. И не ра-

ботай до ночи одна. Старой бумаге за двадцать лет один вечер погоды не сделает.

* * *

Номер, который Вера нашла на официальной странице местной почты, отвечал короткими гудками. Она позвонила по справочному и после нескольких переключений поговорила с женщиной, которая сперва решила, что речь идет о посылке, а потом попросила уточнить дату.

— Две тысячи пятого? — повторила женщина.

— Да. Мешок в закрытом отделении. Само помещение частное. Отделение съехало семь лет назад.

Сотрудница спросила номер, адрес и фамилию Веры. Сказала, что без внутренней проверки не сможет ответить, как поступить с такими отправлениями. Посоветовала направить письменное обращение с фотографиями наружной маркировки. Не пересылать письма самостоятельно, пока не станет ясно, что именно обнаружено. Не выкладывать адреса.

— А если получатель здесь, в городе? — спросила Вера.

— Сначала обращение. Вам должны ответить по существу. Я за чужое подразделение обещать не могу.

Разговор вышел не бесполезным, но и не принес облегчения. Вера составила письмо в электронную приемную, приложила фотографии мешка и ярлыка, спрятав от камеры частные адреса. Указала, что отправления не вскрывались. Перед отправкой перечитала текст три раза, опасаясь случайно принять на себя обязательства, которых пока не пони-

мала.

У двери скрипнула ступень. Вера выглянула и увидела Тамару с маленькой банкой.

— Сметана, — сказала та. — Забыла вчера. Она у меня киснет от одиночества. Тебе половина.

— Тамара Петровна, зайдите.

Соседка посмотрела на расставленные на полу подложки, сняла очки, протерла их краем кофты и надела снова.

— Это чего ты тут?

Вера рассказала про стол. Не про подпись матери, не про время — только про мешок. Тамара слушала с открытой банкой в руках, не пытаясь поставить ее на прилавок.

— Здесь есть письмо Лидии Петровне Зуевой. Кажется, от вас.

Губы у Тамары сжались. Она молча посмотрела на номер шесть. Вера не стала придвигать конверт ближе.

— Это моя сестра, — сказала наконец соседка. — Где ты его взяла?

Вера повторила. Тамара провела пальцем по крышке банки.

— Я потом другое написала. Короткое. Через месяц. Думала, то дошло, только она не ответила.

— Вы общаетесь?

— Так. На Новый год. «Здоровья», «и тебе здоровья». Отличная беседа, можно сразу на открытке печатать.

Вера предложила ей сесть. Соседка отказалась и наконец

поставила сметану на свободный угол подоконника.

— Она его не получила, — сказала Тамара.

Слова звучали вопросом, хотя знака вопроса в них не было.

— По всему видно, что нет. Штемпеля доставки я не вижу. Но надо уточнять. Я уже написала в почтовую службу.

— А что уточнять? Оно тут. Вот оно, у тебя на полу.

Тамара нагнулась, но остановилась, не дотронувшись. Она привыкла брать на себя работу быстрее, чем люди успевали попросить, и Вера впервые увидела, как неуверенно у нее стоит рука.

— Я могу дать вам посмотреть. Это вы писали, — сказала Вера. — Только сначала сфотографирую конверт в описи, если вы не против. Без публикации.

— Ты думаешь, я стащу?

— Нет. Я боюсь что-нибудь перепутать.

— А. Ну, этого мы умеем.

Тамара села на стул. Вера положила перед ней подложку. Пальцы соседки, узловатые, с короткими чистыми ногтями, зависли над адресом.

— Господи, — сказала она тихо. — Я же там написала, что пусть не приезжает.

Вера отвернулась к окну. Она не спрашивала, почему. Тамара и сама, казалось, еще не решила, кому говорит.

— Дура была. Сорок два года, а дура. Будто возраст от этого страхует.

Она положила конверт обратно.

— Пока пусть у тебя. Я завтра приду.

— Я не буду читать.

— Я знаю.

После ее ухода Вера подписала в описи: «Отправитель опознан лично. Содержание не исследовано». Слова казались холодными, но ей хотелось сохранить именно их. Никаких выводов о старой семейной ссоре, никакого права исправлять чужую жизнь за людей.

Маршрутный лист она убрала в отдельную папку. У графы 16:35 на фотографии была отчетливо видна вмятина от шариковой ручки. Значит, кто-то наклонялся над этой бумагой, держал ее на твердой поверхности, называл время. Где-то рядом находилась Марина. Вере стало важно узнать не то, о чем писали семнадцать отправителей. Сначала она хотела понять, почему бабушка двадцать лет хранила их за стенкой стола.

Она пересчитала конверты еще раз, записала итог и только после этого выключила нижний свет.

Глава 4 Обратный адрес

Тамара пришла в субботу с пустыми руками. Это выглядело так необычно, что Вера сама предложила чай и сразу спросила, нужно ли сахарить заранее.

— Если заранее, ты весь сахар переведешь, — сказала соседка. — У тебя, наверное, московские нормы. По крупинке на столицу.

Вера поставила сахарницу между ними. Конверт Лидии лежал на чистой салфетке, рядом приготовлены были нож для бумаги и тонкая полиэфирная полоска. Утром она сфотографировала его с обеих сторон и записала наружный текст, не пытаясь распознать слова сквозь бумагу. Тамара посмотрела на инструменты с легким возмущением.

— Ты что, операцию делать будешь?

— Если конверт крепкий, просто откроем по старому клапану. Но у этого край ломкий. Можно повредить лист.

— Вскрываю. Я разрешаю. Самой-то уже страшно.

— Вы точно хотите прочесть сейчас?

— Я вчера всю ночь этим занималась без бумаги. С бумагой, может, быстрее выйдет.

Вера подложила лист под верхний край, чтобы не задеть содержимое, и осторожно отделила короткий участок клапана. Клей давно потерял прочность; половина шва разошлась почти сама, у угла волокна держались. Она не стала мочить

их. Сделала аккуратный разрез по боковой стороне, оставляя клапан и марку целыми.

Внутри оказались два листа и старая фотография. Женщина с короткими волосами стояла возле южного дерева с круглыми плодами. На обратной стороне было написано: «Лида. Сентябрь 2004».

— Гранат, — сказала Тамара. — Она прислала показать. У меня тогда яблоню мыши объели, а у нее вот гранат. Я еще подумала: хвастается.

Она взяла листы. Читала медленно, не двигая губами. Дважды поднимала голову, будто собиралась пожаловаться на почерк, но снова опускала. Вера встала у плиты и проверила чайник, уже выключившийся три минуты назад.

— Садись, — сказала Тамара. — Я не в суде.

Вера села.

— Мы из-за матери поругались. Ты этого не помнишь, маленькая была. Лида уехала, когда завод закрылся. Сначала работа у мужа, потом у нее самой. Деньги присылала. Мать их брала, а за глаза говорила: откупается. Я это слушала и злилась. И за ней ухаживала, и злилась. Как будто уход должен был сделать меня добрее автоматически.

Она поправила один лист поверх другого.

— В письме я написала, что справимся без нее. Что на похороны она может не приезжать, если так занята. А мать тогда была живая. Представляешь? Живая лежала за стенкой, а я за нее приглашения отменяла.

Вера помнила старую женщину с белыми распущенными волосами, которую иногда выносили на веранду в кресле. Не помнила ее похорон. В тот год похорон было слишком много.

— После воды мать в больнице умерла, — сказала Тамара. — Сердце. Я написала второе, злое уже по-настоящему. Что даже не приехала, когда звали. Я ведь думала, в первом написала одно, а она поймет другое. Что мне тяжело и я жду. Очень разумное устройство: послать человека подальше и обижаться, что не идет.

Тамара хлебнула чаю, обожглась и поставила чашку с таким стуком, что Вера машинально придержала сахарницу.

— Лида на второе ответила. Сказала, ей никто не звонил, а письмо про болезнь пришло уже после похорон. Я ей не поверила. У нас связь тогда путаная была, телефоны по соседям... Но можно было еще позвонить. Вот мне самой можно было.

— Вы можете сейчас сказать, что первое не дошло.

Соседка посмотрела на нее почти сердито.

— И что? Оно ж не оправдательное. Я его написала. Ты мне конверт спасла, а не характер.

Вера опустила глаза. Именно это она утром невольно придумала за них: старое письмо придет, люди поймут ошибку, исчезнет неловкость. В реставрации она знала, что раскрытая складка не возвращает утраченное. К людям это знание почему-то применялось хуже.

— Я не это хотела сказать.

— Знаю. Просто я всю ночь себе удобную версию подсовывала. Будто это почта нас поссорила, а мы такие две хорошие стояли по разные стороны конверта.

Тамара положила фотографию рядом с листами.

— Отдать ей теперь это? Или порвать? От моего письма ей тогда хоть плохо не было.

— Я не могу решить за вас.

— Вот и правильно. Нечего тебе тут всех лечить. Меня вон тридцать семь лет учили, и то не всех получилось.

Она помолчала, потом попросила чистый лист. Вера достала из принтера бумагу. Тамара взяла ручку, написала наверху «Лида» и остановилась.

— Не «дорогая»? — спросила сама себя.

— Можно пока без обращения.

— Нет, я ее дорогой считаю. Только дорого обошлась, зараза.

Через минуту она зачеркнула начало. Попросила еще лист, посмотрела на аккуратную пачку и спросила, не будет ли правильнее звонить. Вера сдержала улыбку. Ей очень хотелось выдать последовательность: сначала короткое сообщение, затем звонок, потом разговор. Но перед ней сидела женщина, которая каждый день находила, кого накормить, в каком подъезде помочь спустить коляску и чью повязку проверить. Только сестра оставалась местом, где любой простой порядок ломался.

— Можно спросить, удобно ли ей говорить, — сказала Ве-

ра. — И не рассказывать все сразу, если она не захочет.

Тамара достала старенький смартфон. Стекло в углу было треснуто, на заставке цвел тот самый гранат: фотографию Вера узнала сразу. Значит, сестра присылала новые снимки, даже когда разговор сводился к двум пожеланиям здоровья.

Сообщение Тамара набирала указательным пальцем, крепко удерживая телефон другой рукой. Текст она Вере не показывала. Отправив, перевернула аппарат экраном вниз.

— Вот. Теперь я буду каждые пять секунд смотреть, а телефон будет лежать вверх дном, чтоб не казалось.

Они допили чай. Телефон не звонил.

* * *

После обеда Вера занималась не письмами, а отоплением. Мастер, номер которого оставила Тамара, приехал в промокшей кепке и первым делом спросил, что у них за дымоход. Вера показала котел в пристройке и в очередной раз почувствовала себя человеком, которому досталось хозяйство на незнакомом языке.

— Работало нормально, — сказала она.

— До какого года?

— До августа.

— Тогда вопрос снимается наполовину.

Он проверил тягу, соединения, показал, где перекрывается газ, объяснил, почему мигает индикатор. Никакого внезапного бедствия не нашлось. Нужны были обслуживание, исправление одного крана и замена датчика. Вера записала

стоимость. В списке расходов рядом стояли дорога, нотариальная консультация, материалы для писем. От предложенной Лосевым суммы пока не существовало ничего, кроме распечатки. Наследственное дело было открыто, но оформлять права следовало по закону, с положенными сроками. Приехать и продать дом за десять дней было нельзя даже в самом счастливом варианте.

Она позвонила отцу.

— Мастер пришел, котел пока работает. Обслуживание сделаю. По дому окончательно ничего не решено.

— Вера, ты не вкладывай туда лишнего, — сказал отец. На заднем плане скрежетнуло что-то металлическое. Он и дома мог держать в руках пассатижи во время разговора.

— Датчик — это не лишнее.

— Датчик поставь. А то знаю тебя, начнешь выравнивать каждый листочек, потом стены.

Вера посмотрела на стол с подложками.

— Я еще старые письма нашла. Внизу, в мебели. С того наводнения.

Он не ответил сразу. Скрежет прекратился.

— Какие письма?

— Недоставленные. Чужая почта.

— В службу сообщи. Пусть сами занимаются.

— Уже сообщила. Там мамино имя в ведомости. Она мешок передала.

— Она на почте работала. Ты знаешь.

Вера слышала, как он осторожно выбирает самые бесспорные слова. Так они говорили о матери много лет: была, работала, любила тебя. Все остальное уходило в молчание.

— Ты помнишь, во сколько она ушла?

— Я тогда на смене был, Вер. Меня вызвали уже после. Бабушка тебе могла сказать.

— Не сказала.

В трубке вздохнули.

— У вас и времени толком не было. Ты же редко приезжала.

Он не хотел упрекнуть, Вера это знала. Отец произнес очевидную вещь, которую она сама прокручивала с вокзала. От этого стало больнее.

— Ладно. Я позвоню вечером.

— Не надо вечером, я к Михалычу собираюсь. Ты поешь. Тамара тебя кормит?

— Кормит.

— Вот и хорошо.

Она выключила телефон. Тамара, уходя, просила не решать за людей. Вера только что спросила отца о времени гибели его жены, словно выясняла неправильную дату на заказе. Ей следовало бы спросить сначала, как он пережил похороны бабушки и как живет в своей пермской квартире, где уже много лет все инструменты в порядке, а занавески висят те, что когда-то купили втроем. Но она опять взялась чинить то, чему могла присвоить номер.

К вечеру пришел ответ на обращение: сообщение зарегистрировано, потребуется проверка сведений и принадлежности корреспонденции. Срок обозначили обычный, вовсе не пригодный для человека с десятью днями отпуска. Вера создала отдельную папку для переписки и выписала регистрационный номер в блокнот.

Тамара позвонила около восьми.

— Ответила, — сказала она. — Лида. Спросила, что случилось.

— И вы?

— Написала, что письмо старое нашлось. Не стала про содержание. Пока. Она сказала, на следующей неделе поговорим. У нее внук болеет, дочери помогает.

— Это хорошо?

— Это как есть. Она же двадцать лет без моего объяснения жила. Может, у нее на следующей неделе очередь до меня.

Голос у Тамары был деловитый, но в нем что-то отпустило.

— Конверт у тебя пусть пока полежит. Только не выбрасывай ту дырочку, которую отрезала. Мне она нравится.

— Я не выбрасывала.

— Ну, я так и думала. Ты у нас теперь, видимо, и мусор по описи выдаешь.

Когда разговор закончился, Вера принесла вниз маленькую настольную лампу. Семнадцать писем за день никуда не

исчезли, не превратились в задачу с единственным верным решением. Она расставила их свободнее, чтобы бумага не соприкасалась, подписала отдельный конверт для Тамариного отрезанного края. Потом вернулась к маршрутному листу.

Корнеев О. В. В справочнике соседей, который бабушка вела по алфавиту, такой фамилии не было. Зато на последней странице под заголовком «Машины, разное» нашлась запись: «Олег. Лодочная». Семизначный номер был перечеркнут, рядом вписан мобильный.

Вера набрала сообщение, рассказала в трех строках о находке и спросила, может ли поговорить. Ответа не было. Через час пришли два слова: «Не надо».

Она перечитала их и поймала себя на желании набрать длинное объяснение, доказать, что имеет право знать. Вместо этого положила телефон и сделала запись: «Корнеев. Контакт установлен. Разговаривать не хочет».

На полях рядом не нашлось графы для собственного разочарования. Вера впервые за день оставила ее пустой.

Глава 5 Ниже моста

В воскресенье Вера пошла к лодочной не за объяснением. По крайней мере так она сказала себе у калитки. Сначала собиралась просто купить хлеб, потом свернула на нижнюю дорогу: там было ближе к воде, а к воде ее все эти дни почему-то не тянуло, словно город еще не вполне впустил ее дальше дома.

Вель оказалась шире, чем в памяти. Над противоположным берегом лежала плоская полоса облаков, вдоль бетонного парапета ветер перекачивал пустую бутылку. Новый участок набережной заканчивался аккуратным забором с баннером. За ним торчали арматурные прутья и светлые ковши экскаваторов. На баннере семья в белых кроссовках смеялась рядом с нарисованной рекой. Вера посмотрела на свои резиновые полусапоги и обошла лужу.

У старого моста скамейки еще были деревянными. На одной лежал высохший спасательный круг без веревки. Дальше, за кустами, начиналась лодочная: жестяная крыша, два ряда сколоченных настилов и будка с окном, забранном сеткой. Мужчина в синем свитере возился с перевернутой лодкой. Под правой ногой у него была низкая подставка.

Вера узнала его по фотографии в старой почтовой газете, которую нашла вчера между бланками. На снимке Корнеев стоял у фургона, значительно моложе, с длинными волосами

и улыбкой, сделавшей бы честь продавцу автомобилей. Человек возле лодки не улыбался.

Он услышал шаги, повернулся и посмотрел на пакет из булочной.

— Прокат закрыт, — сказал он.

— Я не за лодкой. Вера Соколова. Я вам писала.

Он еще раз оглядел ее и вернулся к лодке.

— А я ответил.

— Я прочла. Не хочу вас заставлять. Мне нужно понять, кому принадлежат вещи, которые я нашла.

— Почте принадлежат. Туда и отдай.

Вера не могла спорить с его правотой. Но под свитером у него торчал край старой рубашки с мелкой клеткой, и эта клетка почему-то вызвала ощущение, что он сейчас уйдет в будку, а возможности поговорить больше не будет.

— Там ваша подпись на маршрутном листе.

Корнеев поставил банку с краской на землю. Движение вышло слишком осторожным.

— Ты из каких?

— В смысле?

— Газета? Юристы? Кто прислал?

— Никто. В доме бабушки стоял стол. В нем был мешок. Я нашла его, когда разбирала мебель.

— Ну и разбирай дальше.

Резкость задела. Вера сжала ручки пакета, и корка хлеба хрустнула.

— Моя мать принесла этот мешок. Я хотя бы могу спросить?

Он посмотрел на нее уже по-другому: будто сравнивал нынешнее лицо с другим, давним, и сравнение причиняло неудобство.

— Спросить можно, — сказал он. — Отвечать необязательно.

Вера хотела произнести что-нибудь спокойное и взрослое, но не нашла. Она кивнула, повернулась к дорожке. Под сапогом скользнул кусок мокрой фанеры. Корнеев коротко сказал:

— Слева иди. Справа край подмыло.

Она остановилась. Неподалеку в воде плеснула рыба или упала большая капля с настила.

— Здесь тоже? — спросила Вера.

— Здесь всегда. Эта канава по весне работает и осенью, если дождь. А люди ходят и думают: трава значит земля. Трава хоть на половике вырастет, если не просушить.

Он подошел, заметно прихрамывая, и ткнул ручкой кисти под кусты. Вера увидела узкую темную полосу воды, уходящую от реки за лодочный сарай.

— Проток?

— Остаток. Раньше до мельничного луга выходил. Теперь засыпали кусками, трубу положили, мусору набили. Река, она и по старому месту пойдет, если новому тесно. Люди считают, что у нее память. Чего там память, уклон один.

Вера невольно улыбнулась.

— Вы хорошо объясняете.

— Дураку объяснять надо громко, а я после обеда не люблю.

— Я еще до обеда.

Он посмотрел на часы и впервые усмехнулся.

— Значит, сам протормозил.

Она могла бы принять это за начало разговора и снова спросить про двадцать третье апреля. Вместо этого спросила про лодку. Корнеев показал ей заплату у борта, рассказал про человека, который решил вытащить ее машиной прямо по камням, хотя в двадцати метрах был пологий спуск. Поставил банку подальше от края. Предложить Вере сесть ему, очевидно, в голову не пришло; она стояла, держала хлеб, слушала про стеклоткань и не уходила.

Из будки выбежал пес, низкий, пестрый, с одним ухом вверх. Обнюхал ее сапоги и сел перед пакетом.

— Не корми, — сказал Корнеев. — Этот обедал. У него такая служба — показывать, что не обедал.

— Как зовут?

— Жук. Имя не мое. С улицы взял, он уже умел не приходить, когда зовут.

Жук положил подбородок ей на колено. Вера почесала его за ухом. Пес прикрыл глаза, и настороженность мужчины на секунду стала не такой плотной.

— Я была здесь маленькая? — спросила она. — Мама ме-

ня водила?

Корнеев отвернул голову к реке.

— Водила. Один раз ты в лодку забралась и сапогом воду черпала. Мы его потом искали, думали, за борт упал, а ты спрятала. Мать твоя смеялась, потом рассердилась. Она быстро сердилась. На пять минут.

Вера замерла, глядя пса. Мать, которая могла рассердиться из-за сапога, была непривычнее матери, погибшей при эвакуации соседки. Про ту, вторую, взрослые говорили часто, по крайней мере в первые годы. Про первую — почти перестали.

— Я не помню.

— Оно и не обязано все помниться.

К мосту подъехала машина, хлопнула дверца. Корнеев сразу повернулся на звук и закрыл банку крышкой.

— Мне работать надо, Вера. Ты не обижайся. Сходи туда, куда можно по бумажке обратиться. Я свое уже наговорил когда-то, толку не было.

— Я ничего публиковать не собираюсь.

— Сегодня не собираешься. Я не про тебя. Я про себя знаю.

Он снова поднял кисть. Разговор кончился без вражды, но окончательно.

Вера ушла по левой стороне, как он велел. На середине дорожки остановилась и оглянулась. Корнеев сидел на низкой скамейке, правую ногу вытянул вперед. Жук устроился у

ступни. Мужчина не рисовал и не ремонтировал лодку, просто смотрел на воду, пока думал, что она уже не видит.

* * *

Илью она встретила возле пешеходного моста. Он стоял с мужчиной в оранжевом жилете, у обоих были планшеты. На перилах лежала длинная рейка, придержанная рюкзаком. Вера собиралась пройти, но Илья первым поздоровался, и не ответить было бы странно.

— Хлеб донесли? — спросил он.

Она посмотрела на смятый пакет.

— Почти.

Мужчина в жилете отошел к опоре. Илья убрал телефон и спросил, не было ли после осмотра течи в подвале. Вера ответила, что только старая влага. Бригада на прочистку придет в понедельник.

— Там разрешение соседей нужно, чтобы со стороны забора пройти, — сказала она.

— У Тамары? Она уже разрешила. Только попросила куст крыжовника не трогать. Причем так, что мы теперь и на чертежах его обходим.

— Она серьезно.

— Я понял.

Неловкость первого разговора лежала между ними, но теперь оба знали ее размеры. Вера могла оставить все на уровне подвала, попрощаться. Вместо этого спросила:

— Что случилось с вашим отцом?

Илья посмотрел в сторону рабочего, проверяя, не слышно ли их. Потом перевел взгляд на нее.

— Его признали виноватым в неправильном действии на водоотводе. Не умысел, халатность по служебным выводам. Уволили. Дальше никто особо не разбирался: нашли человека, который был на месте и отвечал за ворота. Судебного приговора, о котором любят рассказывать, не было. Он не сидел.

— Я помню новости очень плохо.

— Вам и не надо было их помнить. Я в четырнадцать тоже мало что понимал. Только что все вдруг знают про твоего отца больше тебя.

Он говорил ровно, но Вера видела, как костяшка большого пальца давит на край чехла.

— А бабушка?

— Могла сказать, когда вода пришла на Заречную. Отец считал, что это важно. Ему отвечали: раньше вода была в низине, а авария началась после его решения. Нужны были люди, которые назвали бы время. Ваша бабушка сказала, что не помнит точно. Потом перестала открывать.

Вера вспомнила штамп и цифры в маршрутном листе. Ее первое движение — рассказать — столкнулось со вторым, почти физическим: зажать находку в ладони, не отдать на чужой суд. Бабушка не могла теперь объяснить, почему молчала. Но это не делало молчание невиновным.

— Я нашла старые почтовые бумаги, — сказала Вера. —

Пока разбираюсь, что они означают. Ничего не могу обещать.

Он не потянулся ближе, не засыпал вопросами. Только лицо изменилось, стало сосредоточенным.

— Хорошо. Если понадобится объяснить технические вещи, спрашивайте. И прежде чем решите, кому их показывать, вы должны кое-что знать.

Она сжала пакет.

— Я работаю по договору с компанией, которая готовит участок «Берега». Не напрямую у Руднева в кабинете, подрядная структура. Деньги от проекта. Обследование водоотвода и часть сетей на Заречной.

— Вы уже сказали, что осмотр от «Берега».

— Это можно было понять как разовый заказ города. У меня коммерческий контракт. Сейчас говорю прямо, чтобы потом не выяснилось, будто я спрятал существенное.

— А вы можете дать заключение против заказчика?

— Могу написать то, что измерил. Это моя работа. Придут ли они и как станут спорить — другое дело.

— Удобная позиция.

— Пока да. Если придется ее отстаивать, будет менее удобной.

Он не выглядел обиженным. Вера поймала себя на том, что ждала именно обиды: тогда можно было бы забыть о собственной настороженности и оказаться правой без всякого труда.

— Мне предложили выкупить участок, — сказала она. — На будущее. После наследства.

— Знаю, что по улице идут предложения.

— Хорошие.

— Для части домов продажа — хороший выход. В двух через дорогу фундамент надо переделывать целиком. У вас состояние лучше, но содержание дешевым не будет.

Она посмотрела на него внимательнее. Он мог бы воспользоваться старой обидой, сказать, что продавать нельзя, что ей предстоит защищать улицу. Вместо этого называл расходы.

— Вы не против «Берега»?

— Я за то, чтобы берег сначала проверяли, а потом рисовали на нем людей с кофе. Можно сделать нормальный проект. Но для этого вода на плане должна совпадать с водой под ногами.

Илья кивнул на грязный край реки. У старой опоры цеплялись трава и щепки, а на баннере неподалеку вода была гладкая, прозрачная.

— У вас дочь здесь учится? — спросила Вера, меняя тему так неловко, что сама это услышала.

— Да. Во второй школе. Мы весной вернулись из областного центра. Ей ближе до школы, мне — до объектов. С мамой она на каникулах и летом, Дарья приезжает. Мы разведены.

Последнее он произнес без нажима, как важную бытовую

информацию, которую лучше не заставлять собирать по знакомым.

— Ася мне ключ вернула.

— Рассказала. Потом весь вечер проверяла у меня карманы. У нас теперь кампания против потерь.

— Я его прицепила. Можете передать, что объект исправлен.

Он улыбнулся. Вера впервые увидела эту складку возле рта совсем близко и сразу посмотрела в сторону моста.

Рабочий позвал Илью. Он попросил одну минуту, достал из сумки сложенный лист и показал ей обозначение под ее домом.

— Здесь выход старого отвода. Если будете искать в подвале документы или вещи, вот в этом углу лучше ничего не оставлять. До проверки. Даже если кажется, что сухо.

— Я запомнила.

— Могу прислать фото.

— Присылайте.

Она пошла дальше. Через несколько шагов он окликнул:

— Вера. Про старые бумаги... Не торопитесь ради меня. Я могу ждать. Просто не выбрасывайте.

— Я реставратор, — ответила она. — С выбрасыванием у меня и без вас плохо.

Дома Вера переложила коробку на верхнюю полку в сухой комнате. Под маршрутный лист добавила твердый лист картона, обернутый чистой бумагой. Написала Илье, что полу-

чила схему, а потом долго смотрела на набранную следующую фразу: «В мешке есть время».

Она стерла ее. Вместо этого отправила: «Мне нужно сначала сделать полную опись. Потом я покажу наружные данные».

Он ответил: «Хорошо».

Вера поставила хлеб на стол. Пакет разорвался, и из него выкатился совсем плоский батон. Она вдруг рассмеялась: столько гордости, осторожности, чужих ран, а хлеб все это время терпел у нее под мышкой. На ужин были горячие тосты. Их хруст хотя бы не требовал толкования.

Глава 6 Цена участка

Виктор Павлович Руднев приехал в понедельник утром, когда во дворе у Тамары лежал шланг, а из-под забора вытекала черная вода. Рабочие прочищали отвод. Тамара руководила ими с безопасного расстояния и каждый раз, когда кто-то приближался к крыжовнику, поднимала ладонь.

Руднев вышел из обычного темного внедорожника без водителя. С ним был Лосев, державший под мышкой тот же портфель. Ни один не попытался обойти грязь через Тамарин сад. Руднев поздоровался с рабочими по именам, спросил, не нашли ли под трубой старый кирпичный свод, и только потом поднялся к Вере.

— Виктор Павлович, — представился он, хотя надобности не было. — Рад знакомству. Жаль, что раньше не довелось при Антонине Петровне.

Он был крупным, с поседевшими висками и открытым лицом человека, привыкшего, что его замечают. Пальто не надел, несмотря на ветер, и шурился не от холода, а будто прикидывал, в какое время дня здесь бывает солнце.

— Давайте в зал, — сказала Вера. — Наверху тесно.

— Мне низ даже интереснее. Я тут мальчишкой за марками стоял.

Он прошел вдоль прилавка, остановился возле ячеек.

— Вот эту клетку помню. В ней газеты для школы держа-

ли. А мы с приятелем думали, что деньги. Хотели ключ подделать, пока ума не хватило посмотреть, что там замка-то нет.

Лосев улыбнулся, как человек, который слышал историю, но считал ее подходящей к случаю. Вера указала на стул. Руднев сел без церемонии, расстегнул куртку и посмотрел ей прямо в лицо.

— Дмитрий сказал, вы не против рассмотреть предложение.

— Рассмотреть — да. Обязательств пока нет. И наследство я еще оформляю.

— Разумеется. Мы никуда с этим завтра не бежим. Просто план работ удобнее строить заранее. Если решитесь, можно согласовать ориентиры, не трогая юридическую сторону до срока.

— Что будет с домом?

Она решила задать вопрос первым, чтобы потом сумма снова не оттеснила его.

Руднев оглянулся на окно.

— Честный ответ: не знаю. Сохранение здания целиком может стоить больше новой постройки. В том числе из-за влажности. Но здесь хорошая точка, у спуска. Можно оставить часть фасада, сделать зал истории Заречья, кофейню, место для детских занятий. Я не хочу весь город закатать в плитку, как про меня говорят.

— А кто говорит?

— Разные люди. Иногда моя дочь. Она делает это квалифицированное остальных.

Он улыбнулся без видимой обиды.

— Послушайте, Вера Александровна. Я понимаю, что вам важно. Здесь прожили ваши родные. Но дома в этой полосе стоят ниже современных отметок. Их утепляют, красят, а весной снова начинается: у кого вода, у кого печь треснула. Если мы переселяем людей в нормальное жилье, это не преступление против памяти.

Вера не могла с этим спорить. Из окна видна была соседняя веранда, которую давно держали две железные подпорки. Старушка оттуда на похоронах бабушки жаловалась не на грядущее переселение, а на то, что в новом доме ей дадут только комнату и кухню, а помидорные ящики ставить будет негде.

— Я не собираюсь решать за остальных, — сказала Вера. — Но про свой дом хочу понимать.

— И правильно. Поэтому я приехал лично. По деньгам в предложении есть запас. Плюс оплачиваем оценку и вывоз. Ценные вещи можете держать здесь до отъезда, не будем требовать освободить за три дня. Если нужна помощь с документами по наследству, есть юрист. Его услуги не обязывают вас продать нам.

Помощь была настоящей: ясная сумма, человек, который знал местные кабинеты, отсутствие необходимости нанимать грузчиков из объявления. Вера увидела на секунду

всю цепочку собственного возвращения в Москву. Несколько поездок к нотариусу, передача ключей, перевод денег, новый шкаф для материалов в мастерской, погашенный кредит отца на машину. Красивое спокойное облегчение, которое можно было принять за правильность.

— Спасибо. Юрист пока есть. Можете оставить варианты по дому письменно?

Руднев чуть помедлил.

— Мы пока не делали проект под этот участок. Обещать сохранение, не считая, я не стану. Но общие условия напишем.

Она оценила прямоту и сразу насторожилась к собственной благодарности.

Лосев достал бумаги. Пока он раскладывал их на прилавке, Руднев заметил разобранный сортировочный стол.

— Крепкая мебель была. Сейчас так не делают.

— Уже не очень крепкая.

— Отдадите музею, если не заберете? У нас в городском отделе пустое место под почту. Директриса просила помочь.

Вера представила мешок в разобранный тумбе и почувствовала, как напряглись плечи.

— Я еще не закончила разбор.

— Конечно. Никаких вопросов.

Он вернулся к разговору об отоплении, назвал хорошего кровельщика, предложил прислать человека проверить наружную лестницу. Не давил, не требовал благодарности. На

прощание спросил, как давно она занимается реставрацией, и внимательно выслушал короткий ответ.

— Это полезная профессия, — сказал он. — Все сейчас за цифрой гоняются, а бумага остается. У меня мать все квитанции до девяностого года хранила. Я смеялся, а потом она по одной справке стаж подтвердила.

Когда машина уехала, рабочий с яркой бородой вытащил из отвода обломок пластиковой лопаты. Тамара посмотрела на него с триумфом.

— Вот! Я сколько лет говорила, что не могла она испариться!

— Это ваша? — спросила Вера.

— Моя. Но застряла-то на твоей территории. Будем считать международным вопросом.

* * *

Ксения Руднева пришла в начале третьего без отца и без портфеля. На плече у нее была потертая сумка, из которой торчал штатив. Вера узнала ее по смеющимся узким глазам: в школе Ксения, учившаяся на два класса младше Веры, выступала на линейках с таким видом, будто одолжила взрослым микрофон ненадолго.

— Можно войти? — спросила она. — Я не по папиному заданию. Это приходится говорить сразу, как на банке состав.

— Проходи.

Ксения остановилась в зале и медленно оглянулась.

— Слушай, я же помню, как здесь пахло. Газетой и мокрыми варежками. Удивительно, что мокрые варежки до сих пор держатся.

Вера улыбнулась. Ксения стала снимать шарф, запуталась в ремне сумки, освободилась с третьей попытки и положила телефон на стол экраном вверх.

— Я сейчас без записи. Вообще могу убрать.

— Не нужно. Что ты хотела?

— Материал про дом. Я веду «Течение», наверное, слышала? Городское издание. У нас в основном транспорт, дворы, школы, культурная жизнь, если она успевает случиться между отопительными авариями. Почта — хорошая тема. Как место меняется, что остается. Ты реставратор, это тоже интересно.

— Съёмку отцу покажешь?

Ксения прищурилась, но не обиделась.

— Если материал выйдет, он увидит, как все. Предварительно показывать не обязана. Но должна сказать: начинала я на его деньги. Сейчас рекламу и подписки собираем сами, бюджет маленький. Снять комнату мне, впрочем, тоже он помог. Для тебя это может иметь значение.

Честность семьи Рудневых за сегодняшний день начала казаться тщательно приготовленной. Вера тут же одернула себя: подозревать можно что угодно, но человек перед ней просто ответил на вопрос.

— Имеет, — сказала она. — Я не хочу, чтобы мой дом

стал иллюстрацией того, как хорошо его снести.

— А я не хочу делать такой материал. Мне нужен человек и место. Я не верю, что весь «Берег» плохой. Два года пишу про подъезды, где дети зимой в куртках делают уроки. Но это не значит, что у проекта нет вопросов.

— И ты станешь задавать их своему отцу?

Ксения перестала крутить в руках снятый шарф.

— Уже задаю. Правда, пока на большинство он отвечает, что я не понимаю экономики. Иногда справедливо. Я спрашиваю тех, кто понимает.

Вера поставила чайник. Вторая чашка была от бабушкиного сервиза с золотой полосой: чашка, которую берегли для гостей. Вера отдала ее Ксении, себе взяла простую толстую.

— Съёмки пока не будет, — сказала она. — Я не разобрала личные вещи. И не хочу комментировать продажу так, будто решение принято.

— Можно хотя бы поговорить о работе?

— Да. Без истории семьи. Без фотографий документов. И текст, где речь обо мне, я хочу увидеть перед публикацией. Для фактических ошибок.

— Это нормально. Но заголовок и выводы я согласовывать не буду.

— Тогда пока без выводов о доме.

Ксения кивнула, открыла блокнот и только теперь спросила разрешения включить запись. Вера согласилась. Вопросы оказались конкретными: как учатся реставраторы, поче-

му нельзя ламинировать старую грамоту, откуда человек знает, что бумаге хуже, если внешне пятно стало светлее. Вера взяла ненужный обрезок упаковочного картона, показала на сгибе, как ломается короткое волокно. Говорила больше, чем собиралась, потому что Ксения слушала и не переводила ответы в эффектные формулы.

— А можно восстановить так, чтобы совсем как новое?
— спросила та.

— Иногда можно сделать похоже на новое. Но у документа есть то, что с ним случилось. Наша задача не всегда стереть следы. Важно остановить разрушение, сохранить чтение и не обмануть того, кто придет потом.

— Хорошая цитата.

— У меня и другие бывают. Например, «не ставьте сюда кружку».

Ксения поспешно подняла чашку с деревянного стола.

— Здесь можно, — сказала Вера. — Это я заранее.

Они засмеялись одновременно, и разговор на минуту стал совсем не интервью. Ксения рассказала, как готовила материал о новой остановке, фотограф десять минут снимал ее с красивого ракурса, а потом выяснилось, что на всех кадрах не видно гигантской лужи перед входом.

— Папа говорит, я ищу недостатки. А мне просто в сапог вода набралась, пока фотограф выбирал отражение.

На лестнице она задержалась и посмотрела на дверь подсобки.

— Тут ведь старые бумаги могли остаться. Если найдешь что-нибудь про город, не личное, я могу помочь с архивом. Контакты есть.

— Я буду иметь в виду.

— И еще. Отец правда хорошо относится к памяти твоей мамы. Он мне рассказывал, что она в тот день людей вытаскивала.

Вера почувствовала, как внутри поднялось маленькое глухое сопротивление. Ей не хотелось, чтобы слова о матери служили переходом от цены участка к будущей статье.

— Я это знаю.

Ксения уловила перемену.

— Извини. Неудачно сказала. Я не хотела давить.

Когда она ушла, Вера вымыла чашки и поставила их рядом сушиться. Телефон мигал рабочими сообщениями. В календаре мастерской на следующую неделю ее фамилия все еще стояла возле нескольких задач. Она написала Соне, что, вероятно, задержится на пару дней: нужно закончить опись домашних бумаг. Сразу добавила, что по архиву Бахтиных составит план удаленно.

Соня ответила фотографией выровненных стеллажей и коротким: «Разберемся. Ты не пропадай».

Вера распечатала предложение Лосева, свернула его вдвое и положила в синюю картонную папку вместе с квитанцией за котел и списком вопросов к оценщику. Рядом поместила копию маршрутного листа. Оригинал оставила в рабочей

коробке. Ей нужно было увидеть документы обыкновенно, без торжественности: деньги, дом, время, чужое имя. Их соседство ничего не доказывало. Но решение о продаже после этого перестало выглядеть одним простым росчерком.

Глава 7 Дом на другом берегу

Материалы из мастерской привезли во вторник в девять утра. Вера расписалась на экране курьерского телефона, приняла коробку и понесла вверх так бережно, что курьер оглянулся.

— Бьется?

— Нет. Просто мне очень нужно.

В коробке были папки, тонкая бумага, лопаточки, несколько кистей и маленькая пачка хорошего кофе. Соня приклеила к ней стикер: «Для обработки реставратора». Вера поставила кофе в кухне, нашла привычный коврик для работы и впервые за все дни почувствовала, что у нее есть собственное место в этом чужом пока доме.

Одно из семнадцати писем, восьмое в описи, требовало особенно осторожного обращения. По старому намоканию два слоя слиплись у поврежденного угла. Конверт был надорван, виднелась начальная строка письма и край фотографии. Адресат, Николай Семенович Сажин, прежде жил в поселке Сосновом, но Тамара знала его нынешнюю мастерскую у рынка. Вера позвонила ему накануне. Он выслушал, дважды переспросил фамилию отправительницы и сказал, что придет сам, раз уж «такое кино».

Теперь он стоял у дверей с бумажным кульком яблок. Невысокий мужчина, широкие плечи, седые волосы под кеп-

кой, очки в нагрудном кармане. От его куртки пахло стружкой.

— Это тебе. Своих не завелось еще? — спросил он, протягивая кулек.

— У нас яблоня, только я пока не знаю, что у нее внутри.

— У яблони внутри обычно дерево. А в яблоках черви. Но эти хорошие, я смотрел.

Он увидел на столе письмо и сразу снял кепку.

— От Галины?

— От Галины Мещеряковой. Да.

Николай надел очки. На дужке была намотана тонкая проволока. Реставратору в Вере немедленно захотелось исправить и это, но она показала ему наружный адрес.

— Я думал, она вообще не написала, — сказал он.

Вера объяснила, что мешок не ушел в рейс. Николай слушал рассеяннo, поглаживая большими пальцами шов кепки. Когда она спросила, можно ли раскрыть поврежденный конверт и разделить слипшийся угол, он кивнул раньше, чем дослушал.

— Только не торопите меня, — попросила она. — Здесь и так край слабый.

— Я могу отвернуться. Или уйти на рынок. Жена там уговаривает продавца, что его тыква не на пять килограммов. Могу поддержать.

— Двадцать минут посидите?

Он сел, положив кепку на колени. Вера закрыла конверт

тонким листом, оставив рабочий участок, проверила на пробе реакцию чернил. Хорошо хотя бы, что синие линии на отделившемся крае не потекли от минимальной влаги. Она создала над небольшим участком локальное увлажнение через промежуточный материал и подождала, не касаясь листа.

В ожидании они говорили о столе. Николай подошел, осмотрел направляющую, сказал, что ремонтировать можно, если Вера не собирается сделать из него дрова. Шпон потерян у заднего угла, но несущая часть крепкая. Он заметил ее задумчивый взгляд и добавил:

— Я не напрашиваюсь. Мне просто больно, когда мебель выбирают по царапине. Царапина не ножка.

— А ножка?

— Смотря чья. У некоторых и царапина важнее.

Угол начал отпускать. Вера приподняла разделительный лист, снова подождала, затем медленно ввела тонкую лопаточку. Бумага неохотно разошлась. На одном фрагменте осталось светлое место, где утрата была уже давней; восстанавливать там было нечего. Она отделила фотографию, повернула лицевой стороной к Николаю. Молодая женщина в светлом плаще стояла возле театральной афиши, на плече — большая сумка с заплаткой.

Николай сел обратно.

— Вот эта сумка все и устроила, — сказал он.

Вера не стала спрашивать, как именно.

— Она шила костюмы в клубе. Потом в городском театре

начали штат набирать. Ездил, показывала работы. Я ее в Сосновом встретил, забор ремонтировал. У нее собака через дырку бегала. Забор я сделал, а собака ко мне уже привыкла, все равно ходила. Так и познакомились.

Он рассказывал не Вере — фотографии. Та женщина была старше Марины, но моложе нынешней Веры, и чужой давний возраст вдруг сделался очень ощутимым.

— Я тогда один жил, жена первая умерла. Дочка в девятом классе. Галка хорошая была, веселая. К нам приходила, щи варила. Дочка при ней долго ела только бутерброды. Не из вредности даже, просто чтоб не казалось, что одобряет. А Галка не обижалась. Я все ждал, когда они подружатся, и тогда уже можно будет свадьбу. Сам ей говорил: подожди немного. А ждать чего, когда мы и так через дорогу? Удобный у меня был план.

Вера выложила письмо на подложку. Написано было на трех узких листах, оборванный край не мешал основной части текста. Она передвинула их к Николаю и отошла к окну.

— Не прячься, — сказал он. — Я читать не вслух буду. Хотя почерк у нее как частокол.

Он прочел первую страницу. На второй вынул из кармана платок, снял очки, протер стекла. Затем вернулся к началу.

Вера смотрела на улицу. У Тамары за забором стояла тележка с листьями; соседка нарочно не заходила, зная про гостя. С улицы доносился голос продавца, объяснявшего по телефону, что «такая картошка долго не лежит». На кухне

щелкнул холодильник. В обычных звуках чужое волнение переносилось легче.

— Она уезжала в Рыбинск, — сказал Николай. — На работу. Не к какому-то человеку.

Он опустил третью страницу, все еще удерживая ее за угол.

— Я тогда слышал, будто у нее там артист. Поговорить не успел. Вода пришла, я неделю подвал вытаскивал, потом мать в больницу возил. Она уже уехала. Я звонил, старый номер не отвечал. Кто-то сказал, что замуж вышла, я и успокоился. В смысле, обозлился. Это у меня тогда примерно одно значило.

Он повернул к Вере средний лист. Вера прочла только указанные им строки.

«Ты меня любишь, я знаю. Только я уже стала у вас человеком, который должен понять, подождать и не захотеть лишнего. Мне дали ставку, настоящую, не вечные три месяца вместо декретницы. Я еду работать. Если ты захочешь жить вместе, поговорим, как это сделать двоим. Домой к тебе навсегда между школьным выпускным и ремонтом крыши я пока переезжать не буду».

Ниже шла приписка с новым адресом. Цифры частично утратились, но название улицы читалось.

— У меня дочка тогда на нее злилась, — продолжал Николай. — Я думал, если Галка уедет, значит, не сумела ее полюбить. А сам что сделал? Человеку работу предлагают, а

я: брось, у нас тут хорошо, будешь мне занавески шить. Ведь не со зла.

Он улыбнулся, болезненно и немного виновато.

— Все самое удобное обычно не со зла.

Вера поставила перед ним воду. Николай сделал несколько больших глотков.

— Вы знаете, где она теперь? — спросила Вера.

— Знаю. В интернете нашел года три назад. Швейный цех у нее был, потом костюмерная. Внуков фотографирует. Я написал: «Привет, Галка, как живешь». Она: «Хорошо, Коля, ты как?» Я: «Нормально». На этом культурная программа завершилась.

Вера не удержалась от улыбки. Николай тоже улыбнулся, уже легче.

— Ты, может, ждала, я сейчас побегу через двадцать лет с букетом?

— Я не знаю, чего ждала.

— У меня Любовь Андреевна. Не потому, что назло. Очень хорошая женщина. У нас с ней сын, ему восемнадцать. Если я с букетом побегу, она мне предложит заодно мусор вынести. И будет права.

Дверь скрипнула. Вошла полная женщина с ярким зонтом, закрытым не до конца. С зонта на пол падали редкие капли.

— Коля, ты у меня только «на минутку». Я весь рынок обошла. Здравствуйте, я Люба. Ты письмо прочел?

Николай посмотрел на жену с удивительной открытостью — так, как Вера никогда не видела у отца после смерти матери.

— Прочел. Оказывается, я был глупый.

— Неужели для этого письмо понадобилось? — Люба поставила зонт в угол. — Я принесла пирожки. А вы, девушка, чай умеете, или у вас тут все только по капле на бумагу?

Через десять минут они сидели втроем. Николай рассказал жене содержание без жалоб и оправданий, она слушала, ела пирожок с капустой и только в конце сказала:

— Хорошо, что уехала. Работала хоть нормально. А ты тогда и правда был как дверь на доводчике: человек войти не успел, а ты уже назад тащишь.

— Ты за меня зачем замуж вышла?

— В надежде на мебель.

Они засмеялись. Вера долила чай. Ей было тепло возле них, и немного одиноко, и это одиночество не казалось теперь наказанием. Оно было местом, в котором могла появиться своя жизнь, если не заполнять его одним делом за другим.

Николай попросил сделать ему копию. Оригинал Вера пока оставила в описи: с почтой вопрос еще не завершен. Он не спорил, только попросил позвонить, когда будет можно забрать.

— Галине покажу снимок. Пусть хоть знает, что не нарочно промолчал. Чего она ответит, то и ладно. Мне благодар-

ность за опоздание не нужна.

Уходя, он остановился у стола.

— Шпон подберу. Не за письмо. Просто жалко хорошую вещь. Два дня дай.

Люба раскрыла зонт прямо в дверях и застряла.

— Вот, — сказал Николай. — А ты говоришь, дверь на доводчике.

Вера помогла сложить зонт. Они пошли к рынку, о чем-то споря, и мужчина держал кулек с остатками пирожков так бережно, будто это и было главное письмо, которое он получил сегодня.

Вера вернулась к рабочему столу. На месте письма лежала чистая подложка с номером восемь. История, которую она успела придумать в коротком промежутке между фамилией отправительницы и приходом адресата, рассыпалась совершенно спокойно. Никто не бежал догонять молодость. Человек просто немного иначе посмотрел на уже прожитую жизнь.

Она включила телефон и увидела сообщение от Ильи: «Еду к старому выпуску в два. Вы спрашивали, где проходит. Если хотите посмотреть — нужны сапоги».

Вера вымыла руки, убрала материалы и впервые не стала считать, сколько рабочих часов потеряет. Сапоги у нее уже были.

Глава 8 Русло на бумаге

Илья ждал возле мостика через канаву. Рядом стояли две складные рейки, чемоданчик с прибором и термос. Увидев Веру, он посмотрел на ее ноги с выражением строгого приемщика.

— Подходят, — сказал он.

— Спасибо. Верхнюю одежду тоже будете согласовывать?

— Только если вы собрались лезть в воду в белом. Я к последствиям не готов.

На Вере была старая синяя куртка отца, которую она нашла на антресолях. Рукава приходилось подворачивать, в нагрудном кармане лежал билет на электричку десятилетней давности. Она показала край манжеты.

— Это вещь с опытом.

— Тогда пройдет без инструктажа.

Но про скользкий настил он все-таки сказал. Не взял ее за локоть и не провел за руку: прошел первым, проверил доску, указал, куда лучше ставить ногу. Вера ступала следом. Под мостиком тянуло ржавой водой. Слева лежала куча веток, справа густо росла крапива, уже побитая холодными ночами.

— Здесь раньше был спуск, — сказала Вера.

— Есть и сейчас. Зарос.

Она вспомнила железную банку, наполненную мокрым песком, и бабушкин голос сверху: «Далеко не уходи». Вера

никогда не понимала, откуда взрослые знали, что для ребенка такое далеко. У нее это расстояние каждый день менялось.

За кустами открылась узкая полоса протока. Воды было немного, но она двигалась, огибая обломок бетона. На противоположном берегу стоял новый сетчатый забор, за ним — куча щебня и синий вагончик. Сетка кончалась возле старого дерева. Вера увидела пластиковую трубу, уходящую под насыпь.

— Теперь все идет сюда? — спросила она.

— Не все. Часть. Мне нужно сравнить отметки на входе и выходе. При обычной воде пропускной способности может хватать. А что будет при сильном подъеме — надо считать с учетом того, что выше.

Он установил прибор, достал журнал. Вера стояла в стороне, пока он не попросил подержать верхний конец рейки. Ладони сразу намокли от алюминия.

— Вот так? — спросила она.

— Чуть к себе. Теперь стойте. Нет, не весь мир на плечах, только палку.

Она выдохнула и ослабила руки.

— Профессиональная деформация.

— У нас тоже. Один коллега все картины в гостях глазами выравнивает.

— Я их тоже выравниваю, но по другой причине. На солнце бумагу не вешают.

Они работали почти молча. Илья называл цифры, Вера

повторяла, чтобы не было ошибки. Ветер поднимал у нее волосы у виска и задувал за воротник. На противоположном берегу рабочие включили болгарку, разговор стал невозможным. Пришлось общаться жестами. Илья показал ладонью: еще левее. Вера поняла, что надо опустить рейку, и он покачал головой с такой отчаянной выразительностью, что она засмеялась. Он засмеялся тоже, подошел и поправил положение сам.

— У нас с вами очень разные жестовые языки, — сказал он, когда болгарка замолчала.

— В моем это значит: «Ни в коем случае не кладите сюда руки».

— Тогда на переговорах пригодится.

Вера держала рейку, пока он уходил к прибору. Взгляд задержался на его спине: куртка натягивалась между лопатками, когда он наклонялся, у воротника виднелась белая нитка от шарфа. Ничего примечательного, обычный работающий мужчина. Она рассердилась на себя за точность наблюдения и сразу переставила ногу не туда.

Край сапога съехал с твердого комка. Вера удержалась, но рейка ушла в сторону. Она схватилась за куст, рукав окунулся в холодную воду. Илья обернулся на звук.

— Все нормально! — сказала она раньше, чем он спросил.

— Вижу. Просто новый метод.

Он подошел, подал ей свободный конец ремня от сумки, чтобы она оперлась, и подождал, пока выберется на твердый

участок. Подтягивать не стал. Только, когда Вера отпустила ремень, посмотрел на ее рукав.

— Мокрый?

— Нет, это куртка впитывает атмосферу.

Он отвернулся, пряча улыбку. Потом достал из сумки сухую хлопчатобумажную тряпку и отдал ей. Вера отжала манжету, вытерла ладони. На запястье осталась тонкая полоска грязи.

— В сумке еще должна быть кофта, — сказал он. — Могу дать. Неудобно работать в мокром.

Она приняла кофту без прежнего автоматического отказа. Сняла куртку, аккуратно повесила на низкую ветку, надела серую толстовку. Рукава снова оказались длинными, но ткань была теплая, пахла стиральным средством и немного древесным дымом.

— У вас сегодня коллекция чужой одежды, — заметил Илья.

— Я смотрю город с профессиональным подходом. Проверяю, все ли здесь моего размера.

Он замер на секунду, будто услышал в шутке что-то еще, но ответил только:

— Судя по рукавам, нет.

За следующим поворотом путь преграждали мокрые ветки. Илья убрал несколько в сторону, Вера подняла пластиковый пакет, зацепившийся за стебель. Внутри оказались две пустые бутылки. Она скрутила пакет и положила возле че-

моданчика.

— Не надо самим чистить весь проток, — сказал Илья. — Для этого людей и технику заказывают. А то мы с вами до зимы здесь хорошими будем.

— Эти бутылки я могу убрать без техники.

— Можете. Прошу прощения.

Они переглянулись, и извинение прозвучало почти смешно, потому что спорить было не о чем. Вере нравилось, что с ним можно не соглашаться без последующего наказания молчанием. Она не сразу вспомнила, что знает этого человека всего несколько дней.

Когда замеры закончились, Илья расстелил на сухом пне старую схему под прозрачной пленкой. Новую открыл на планшете. Вера наклонилась рядом.

— Здесь раньше две ветки, — сказал он. — Эта, на которой стоим, и боковая, к лугу. На новой публичной схеме боковой нет вообще.

— Ее засыпали?

— Часть. Но рельеф остался. И подземная связка, возможно, тоже. Надо посмотреть рабочие чертежи, там может быть учтено иначе.

Вера провела пальцем по пленке, не касаясь старой бумаги.

— Масштабы разные. Вот эта граница дома у вас уходит. Если совместить по одному углу, кажется, что канал левее. Нужно по двум точкам хотя бы.

— По трем. Вы правы.

Он приблизил изображение, повернул лист. Деревянный дом почты на старой схеме был нарисован маленьким прямоугольником, как на распечатке Лосева. Но рядом с ним шла тонкая пунктирная линия. В новой красивой схеме на ее месте был газон.

— Мне эта картинка знакома, — сказала Вера. — В предложении по покупке.

— Публичная схема. Она не всегда техническая. Но если в рабочей версии тоже пропал путь воды, это уже серьезнее.

Она достала телефон и сфотографировала два документа рядом. Илья записал номер старого листа на обратной стороне своего блокнота. Затем сложил схему по прежним сгибам, не пытаясь утрамбовать в сумку.

— Не так, — машинально сказала Вера.

Он остановился.

— Что?

— Там сгиб рвется. Лучше положить между двумя твердыми листами. Я дам вам папку.

— Договорились. Значит, я вам про воду, вы мне про бумагу.

Из сумки он достал термос и два металлических стаканчика. Вера вдруг поняла, что не ела с утреннего пирожка. У него нашлись сырныe бутерброды, завернутые в обычный пакет, и яблоко с наклейкой. Она достала из кармана свое, которое Николай сунул ей на прощание. Яблоко было кри-

вое, маленькое, с желтым боком.

— Теперь у нас сравнительное исследование, — сказала Вера.

— Мое выиграет по геометрии.

— А мое пахнет яблоком.

Она протянула ему половину, разломив по надрезу маленького перочинного ножа, который он дал. Илья откусил, согласно кивнул и убрал красивое магазинное в сумку.

Пока они ели, позвонила Ася. Он ответил сразу, включив телефон только на свою громкость. Вера слышала не слова девочки, а быстрый тон. Илья спокойно объяснил, что альбом лежит не в синем ящике, а в прозрачной папке, что звонить маме можно прямо сейчас, и нет, для этого не требуется разрешение после семи. Потом улыбнулся и сказал:

— Хорошо. Спроси у нее про облако. Я в облаках не специалист.

Он убрал телефон.

— Рисунок на природоведение. Облако оказалось сложнее протока.

Вера допила чай. Вода в канаве двигалась тихо. Теперь она замечала течение там, где утром увидела бы только грязную полосу между травой.

— Вы всегда хотели стать инженером? — спросила она.

— Нет. Лет до шестнадцати хотел быть человеком, который живет в другом городе и вообще не слышит про сооружения. Потом оказалось, что мне интересно, почему они дер-

жаты. Или не держатся. А вы?

— Я хотела рисовать. Но когда рисовала, все время исправляла. Кто-то разумный сказал, что это тоже можно превратить в профессию.

— И превратили?

— Да. Правда, теперь учусь останавливаться раньше, чем исправлю лишнее.

Он слушал внимательно, и Вере захотелось продолжить: про первый испорченный пробник, про учительницу, про то, как приятно бывает отделить два склеившихся слоя и обнаружить, что между ними сохранилось обычное слово. Она заметила, что уже рассказала это, только когда он спросил фамилию преподавателя.

— Зачем вам?

— Чтобы знать, кому благодарность написать за профессиональную помощь на объекте.

— Елена Николаевна будет рада. Только она сначала попросит вас перемыть стаканчики без разводов. У нее все студенты с этого начинали.

— Разумная система. А что вы испортили первым?

Вера чуть помедлила, но рассказала. На втором курсе ей дали учебный образец, гравюру, уже выведенную из основного хранения, с заклеенными советской бумагой разрывами. Она слишком хотела закончить работу раньше однокурсников и поторопилась на одном участке. Оттиск стал тоньше, чем следовало. Не исчез, не разрушился, но это было ее

вмешательство, которое нельзя было отменить.

— Я потом неделю на него смотрела. Все думала: если достаточно хорошо понять ошибку, она как будто перестанет существовать.

— Не перестала?

— Нет. Пришлось просто научиться на ней и подписать, что делала я.

Илья покрутил стаканчик в руках.

— У меня первое обследование было на маленьком мосту. Думал, что главное — найти трещину. Нашел, сфотографировал, довольный. Старший спросил: «Где линейка?» Я ответил: «Примерно три миллиметра». Он заставил ехать на следующий день. Девяносто километров в одну сторону. Оказалось, меньше полутора. С тех пор линеек у меня везде полно, даже в машине запасная.

— А я думала, инженеры сразу рождаются с рулеткой.

— Нет. Сначала ездят за ней за девяносто километров.

Теперь они уже не смотрели только на приборы и бумаги. Илья рассказывал ей то, в чем был смешным и неправым. От этого лицо его переставало казаться строгим. Вера вдруг увидела, как у него от холода покраснело ухо, и еле удержалась от совершенно нелепого желания поправить ему воротник. Она сжала обеими руками свой стаканчик.

Облака опустились, со стороны реки потянуло дождем. Они собрали прибор, забрали пакет с бутылками. На мокром мостике Илья снова прошел первым, а Вера подождала, не

делая из этого состязания. У калитки она потянула вниз рукав толстовки.

— Давайте высушу куртку и верну вашу вещь завтра.

— Не к спеху.

— И папку принесу. Для схемы.

— Тогда обмен.

Он взял чемоданчик, уже собирался уйти, но задержался.

— Сегодня вы очень помогли.

Вера почувствовала неожиданно сильную радость от этих простых слов. Не от комплимента, не от взгляда: ее работа оказалась нужна в деле, которого она раньше не понимала.

— Мне понравилось, — сказала она. — Даже рукавом.

Илья рассмеялся. Уже с улицы поднял руку на прощание. Вера закрыла калитку и обнаружила, что до сих пор улыбается. В доме ее ждали семнадцать писем, квитанции и пустая бабушкина комната. Но теперь рядом с ними существовал еще мокрый рукав, два несхожих яблока и мужчина, который складывал старую схему как попало и был готов научиться делать иначе.

Глава 9 Свет сквозь пленку

Вечером у Веры сломалась подставка для телефона. Она успела показать отцу батарею в своей комнате, и в тот самый момент, когда он попросил повернуть камеру левее, пластиковый шарнир щелкнул. Телефон упал экраном на подоконник.

— Вера? Ты упала?

— Телефон. Я пока держусь.

Она подняла аппарат и прислонила к чайной коробке. Отец увидел на экране собственный подбородок, затем окно, потом почти всю Веру в чужой серой толстовке. На секунду он прищурился, но спросил про радиатор.

— Где шипит? В верхнем углу?

— Не шипит. Булькает. После мастера. Он сказал, воздух выпустить, показал, а я...

— Забыла. Ничего. Маленький кран видишь?

Отец терпеливо дождался, пока Вера нашла отвертку и тряпку. У него на стене висела доска с инструментами, каждый на своем крючке. При виде этой стены Вера ощутила домашнее раздражение: все предусмотреть для пассатижей и так и не купить нормальную лампу возле собственного кресла. Свет на лицо отца падал сверху, делал морщины глубже.

Когда из крана вместо воздуха пошла вода, она испугалась и завернула слишком резко.

— Полегче, Вер. Не виноват он перед тобой.

Она рассмеялась. Отец тоже улыбнулся, довольный тем, что оказался полезен. Обычно после такой маленькой совместной работы они прощались. На этот раз Вера оставила телефон на коробке.

— Я сегодня была на протоке.

— Где за лодочной?

— Выше. С инженером. Он обследует «Берег».

Отец посмотрел в сторону, будто проверял, не забыл ли что-то на плите.

— И чего там?

— В новой схеме одного отвода нет. Может быть, только в рекламной. Еще не разобрались.

— Опять раскопали. Я им говорил еще в девяностые, что там трубу не тем диаметром кладут. Один год работало, второй уже нет. Ладно. Ты сама туда не лезь.

— Не полезу.

Вера взяла чайную коробку, придерживающую телефон, и рассмотрела бок. Красные маки, китайские иероглифы, светлый прямоугольник от наклейки. В такой же коробке мать держала нитки. Или это была она самая? Внутри теперь лежали скрепки, батарейки и ключ от неизвестной дверцы.

— Пап, у мамы была жестяная коробка с цветами?

— Много чего было.

— Вот эта. Видишь?

Она поднесла коробку к экрану. Отец долго смотрел.

— Да, пожалуй. У нее там пуговицы были. Марина все пуговицы сохраняла, а как пришить — бегала искала подходящую.

Вера повернула коробку. Донышко было поцарапано, на внутренней стороне крышки — след от ржавой иголки.

— Я помню, что в тот день держала ее. В кухне. Почему-то не могу вспомнить, у нас в квартире или здесь.

Отец потер щеку.

— Здесь ты была. У Антонины. Мать тебя из школы забрала, потом на работу пошла. Я в цехе. Ты это все знаешь.

— Не все. Как она ушла — не помню. Красный шарф помню.

— Ты его и зимой могла видеть.

— Он же на ней был?

— Вер, я не знаю, что на ней было, когда она ушла. Я не видел.

Он произнес это громче, чем собирался. Они оба замолчали. На кухне у него закипал чайник, но он не пошел его снимать.

— Мне потом люди рассказывали, — продолжил отец тише. — Каждый свое. Она сначала в почту пришла, потом помогать побежала. Соседку из нижнего этажа выводили. Вроде успели вывести, а Марина обратно... Я и этого до конца не знаю. Ты думаешь, я не спрашивал?

Вера почувствовала, как кровь прилила к лицу.

— Я так не думаю.

— А похоже. Будто мы тут все молчали специально, чтоб тебе не сказать.

— Вы и молчали.

Отец встал из-за стола. На экране остался край его плеча. Он выключил чайник, снова сел.

— Потому что ты спрашивала: а она точно не придет? Мне что надо было рассказывать, в какую воду и как... Ты ночью просыпалась. Не помнишь уже. А я помню.

У Веры неприятно стянуло грудь. В детстве ей казалось, что отец просто не умеет обнимать. Он наклонялся, поправлял одеяло, прижимал ладонь ко лбу, словно мерил температуру. Потом сидел возле кровати, пока она не делала вид, что спит. Сейчас она впервые подумала, сколько таких ночей было у него самого и кто сидел рядом.

— Прости, — сказала она.

Он махнул рукой.

— Да чего. Просто не все я знаю. Если тебе кто расскажет, ты мне тоже скажи.

Это было так непривычно, что Вера не сразу ответила.

— Скажу.

Отец спросил, что за инженер. Она назвала фамилию. Лицо его снова стало закрытым.

— Сын Леонида?

— Да. Ты его знаешь?

— Маленьким видел. Они за рынком жили. Отец его на хозяйстве работал, нормальный мастер был. Потом совсем

ушел в себя.

— Ты считаешь, он был виноват?

Александр Соколов покачал головой.

— Я наладчик, не комиссия по воде. Слышал, что написали. Видел, как человека потом все обходили. Виноват ли — откуда мне знать? Но Антонина с ним говорить не хотела. Я ей сказал: поговори хоть, он же живой. Она ответила: «Мне своих хватает». И все.

Вера опустила взгляд на коробку. Бабушка любила эту фразу. «Мне своих хватает» могла означать усталость, раздражение, закрытую дверь перед любой бедой, которая не помещалась в их маленькую семью.

— Я ее письмо поздно получила, — сказала она. — Июльское. Если бы пришло вовремя...

— Могла бы тоже не поехать. Работы же много.

Отец сказал это без упрека, и оттого Вера не могла возразить.

— Могла.

— Ты бы не угадала. Она мне в августе говорила: давление с утра выше, к обеду отпустит. Я ей лекарства заказал. Нормально разговаривали. Ни ты, ни я не знали.

Впервые за весь разговор они были с одной стороны. Вера держала погнутую металлическую крышку, отец сидел на кухне за тысячу километров, и никто не мог исправить, что не приехал в обычный июльский день.

— Не продавай торопясь, — неожиданно сказал он. —

Только и не оставайся из наказания. Дом тут ни при чем.

Она хотела напомнить, что еще неделю назад он убеждал ее избавиться от дома, но промолчала. Человек мог передумать на одно предложение. Она тоже.

* * *

Пленка нашлась в коробке с елочными игрушками.

Вера искала маленькую отвертку, которой можно было починить шарнир подставки. Память подсказала, что бабушка держала тонкие инструменты в плоской коробке на шкафу. Там действительно были часы без ремешка, очковая отвертка, моток тонкой лески и сложенные бумажные крылья от сломанной игрушки. Под ними лежал плотный непрозрачный пакет с надписью «Марины. Фото. Не выбросить».

Вера села на пол. Внутри были проявленные негативы, порезанные на полоски, несколько контактных отпечатков и маленькие фотографии разных лет. По краям одной полосы пленка скрутилась, к другой прилип обрывок бумажного конверта. Не катушка в ожидании чуда, а законченная когда-то работа, которую потом слишком долго и слишком плохо хранили.

Она включила настольную лампу, поднесла одну полоску к свету. Коричневатые фигурки на светлом поле не сразу складывались в изображение. Дом, дерево, люди у воды. Два кадра почти полностью потемнели, на третьем виднелась линия крыши. Возле перфорации шла надпись производителя. Бумажная полоска с датой: «Апрель 2005».

Вера не прикоснулась к эмульсионному слою. У нее не было опыта работы со старыми фотоматериалами, достаточного, чтобы уверенно отделять прилипший фрагмент. Она просто посмотрела доступные участки. На одном кадре был знакомый забор почты, на другом — лестница возле аптеки. Может быть, в апреле. Может быть, подпись на пакете относилась не ко всем полоскам. По маленьким негативам она не могла понять ни состояние воды, ни лица людей.

Зато на бумажных отпечатках лица были видны хорошо. Мать сидела на траве с обгрызенным яблоком и жмурилась в объектив. У нее под коленом прилип лист, на лбу блеснул пот, рот был полон. Вера не помнила этого снимка. Она знала другие, торжественные: Марина у школьного забора, Марина с Верой на руках, Марина в аккуратной блузке на стенде почты. Здесь мать выглядела человеком, который сейчас прожует, скажет, чтобы перестали снимать, и пойдет искать тень.

На следующей фотографии отец стоял у машины и держал над головой велосипедное колесо. Объяснял кому-то, вероятно маме, как он его выправил. Вера увеличила фотографию телефоном, увидела на лице отца то самое гордое выражение, с каким он сегодня помогал ей выпускать воздух из батареи. Прошло двадцать лет, а между ними нашлась такая маленькая и надежная нитка.

Она отправила ему два снимка. Через минуту пришел ответ: «Это она меня заставила. Я сказал, не фотографируй,

весь потный».

Следом: «Хорошая карточка. Пришли потом нормально, распечатаю».

Вера написала: «Пришлю».

Дальше лежал контактный лист, на котором кадры шли мелкими прямоугольниками. Пара семейных портретов, чья-то кошка, утренний двор, вода возле старого моста. На обороте — мамин быстрый карандаш: «Середину переснять. Темно». Вера прижала лист ладонями к столу, затем сразу отпустила, испугавшись собственной неловкости. Мать оценивала не будущий исторический материал. Она просто была недовольна светом.

Из-за этого разница между ними стала почти смешной. Вера перебирала ее вещи так, словно каждая была чьим-то последним словом. Мама же снимала плохо получившуюся кошку, забывала подписи и собиралась переделать середину пленки.

Вера разложила отпечатки отдельно от негативов. К паке-тикам добавила мягкие прокладки, записала порядок, не исправляя его на «правильный». Для пленки требовался специалист и хороший сканер, а не камера телефона, подсвеченная кухонной лампой. Она открыла карту города, нашла два фотосалона. В первом делали только снимки на документы, во втором на сайте осталась старая строка «оцифровка негативов». Вечером никто уже не отвечал. Вера сохранила номер.

Илья написал без десяти десять: «Куртка высохла?»»

Она посмотрела на спинку стула. Ткань еще была влажной возле манжеты.

«Почти. Нашла мамины негативы. Там река. Пока не могу разобрать».

Его ответ пришел не сразу: «Если захочется показать — посмотри. На маленькой пленке трудно».

«Завтра поищу, где нормально отсканировать».

«Тогда до завтра. И рукавам тоже».

Вера написала «спокойной ночи» и не отправила. Странно, что два обычных слова в десять вечера казались более откровенными, чем сведения о маминых вещах. Она все-таки нажала на стрелку. Телефон коротко мигнул в ответ.

Перед сном она починила подставку. Не идеально: шарнир пришлось стянуть маленькой пластинкой, теперь угол регулировался хуже. Зато телефон стоял. Вера поставила на столе рядом с ним фотографию отца с колесом и снимок матери с яблоком. Не в рамки, просто прислонила к лампе. Потом долго ходила по комнате, ища, куда бы положить мамин пакет так, чтобы он не оказался ни забытым на шкафу, ни святыней у изголовья.

Под конец выбрала отдельную широкую папку. На чистой наклейке написала: «Марина. Фотографии». Имя далось с неожиданным усилием. Но когда она закрыла папку, в доме было уже не так пусто.

Глава 10 Пунктирная линия

Утром двадцать четвертого сентября Вера собиралась заниматься московским заказом. Соня прислала фотографии чертежей, счет за материалы и длинный список вопросов, в котором последний был выделен заглавными буквами: «ТЫ КОГДА?»

Она поставила кофе, подключила большой экран и честно проработала полтора часа. На одном чертеже края были заклеены клейкой лентой, давшей жирные темные полосы. Вера обозначила места проб, описала, что нельзя делать до них, рассчитала время на механическую очистку. В соседнем файле заказчик сравнивал их смету с услугой копицентра: «А нельзя просто отсканировать, подправить и напечатать на хорошей бумаге?» Вера ответила спокойно. Объяснила разницу между новым изображением и сохранением исходного листа. Потом стерла полписьма. Достаточно было трех понятных предложений, а не защиты собственной профессии от всех вопросов мира.

В одиннадцать она закрыла рабочий файл. До звонка с мастерской оставался час. Можно было проверить почтовую опись, где один большой конверт все еще числился «не уточнено, вложения».

Номер одиннадцать. Адрес областной редакции газеты «День области», отдел писем, А. И. Иванцову. Отправитель

— почтовое отделение на Заречной. Слева внизу рукой матери было выведено: «От М. Соколовой. Для передачи».

Вера знала этот почерк по школьным запискам: «Вера пропустила занятия по болезни». Острые верхушки, широкие нижние петли, последнее слово всегда немного спешит вверх. Она сперва не узнала его, потому что конверт лежал нижней стороной к ней, а внимание забрала редакция. Теперь глаза не могли уйти от буквы «М».

Внешний конверт кто-то уже вскрывал. Разрез был грубый, старый, покрытый той же пылью, что сгибы. Из него выступал край другого, меньшего. На отдельном листке сверху находилась короткая бабушкина помета: «Верочке. Машины бумаги. Разобрать со мной». Ни даты, ни объяснения. Не инструкция, что делать после смерти. Наверное, когда-то Антонина Петровна вынула это из мешка и собиралась отложить, а потом снова спрятала. Или думала о том самом приезде, которого просила в июле.

Вера положила записку на стол и довольно долго ничего не делала.

«Со мной». Бабушка написала эти слова с полной уверенностью, что останется участницей разговора. Сможет отвести глаза, рассердиться, объяснить, чего не следует знать. Теперь от нее остались шесть коротких слов, и Вера не могла даже спросить, когда они появились.

Маленький конверт был подписан: «Марине Соколовой. Нина Кротова». Его клапан не заклеен, только заправлен

внутри. На обороте — фраза матери: «А. И., посылаю то, о чем говорила. Нина Алексеевна согласна на встречу, но сначала позвоните ей». Значит, входящее личное письмо мать собиралась передать редактору, вложив в новое почтовое отправление. Оно не дошло дважды: сначала до газеты, потом до человека, который мог бы объяснить, почему его оставили в доме.

Внутри лежали три листа: письмо с синими чернилами, копия машинописной таблицы и узкая схема на кальке. Калька ломалась на сгибах. Вера сразу подложила под нее тонкую сетчатую опору, чтобы разворачивать без натяжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.